

БОРИСЪ ЗАЙЦЕВЪ

ВАЛААМЪ

ИЗДАТЕЛЬСТВО „СТРА́ННИКЪ“, ТАЛЛИННЪ

1936 г.

БОРИСЪ ЗАЙЦЕВЪ

ВАЛААМЪ

Вячеславу Иванову,
прекрасному поэту,
дружески и почтительно

Бор. Зайцевъ

Янв. 1939.

Тармизъ.

ИЗДАТЕЛЬСТВО „СТРАННИКЪ“, ТАЛЛИННЪ

1936 г.

Типографія Т-ва К. Маттисенъ, Тарту, 1936.

Посвящается
Н. Г. Кауше.

Alle Rechte vorbehalten.
Copyright by B. Zaitsev.
1936.

Пріѣздъ на Валаамъ.

Пароходикъ съ туристами и паломниками не долго стоялъ у пристани Сердоболя. Свистнулъ и отвалилъ, двинулся ежедневнымъ путемъ среди мелкихъ заливовъ Ладоги. Берега холмисты и красивы, дики. Лѣса да скалы, слои гранита и луды, выпирающіе подъ косымъ угломъ, заросшіе мхами. „Сергій“ лавировалъ между этими берегами, придерживаясь вѣхъ, опасаясь камней и мелей. И лишь понемногу сталъ расширяться выходъ, открылась тусклая синева озера съ повисшими какъ бы на стеклянной подстилкѣ двумя-тремя островами.

А потомъ и вовсе вышли на волю. Бѣловатая, крупная, съ сине-стальной оторочкою облака хмуры, недвижны. Холодны ихъ отраженья, тяжела вода, свинцовая, тоже съ бѣлесыми отсвѣтами. Прохладно! Невеселое предвечеріе сѣвера.

Но взору просторно. И есть что представить себѣ. Налѣво, за безкрайною далью, къ океану, нѣкогда св. Трифонъ основалъ обитель у самаго моря — монастырь св. Трифона Печенгскаго. Справа, въ нѣсколькихъ десяткахъ верстъ островъ Коневецъ. Въ вѣкѣ четырнадцатомъ св. Арсеній прибылъ туда въ лодкѣ, путешествуя съ Афона, и привезъ чудотвор-

ную икону, поселился, учредилъ монастырь. Пряможе передъ нами, очень далеко, но уже бѣлѣя Соборомъ, самъ знаменитый Валаамъ.

Возрастъ всего этого — сотни лѣтъ. Корень — Россія. Поле дѣятельности — огромный край.

. . . Понемногу всѣ взоры соединились на бѣлой, съ синими и зелеными верхами колокольнѣ, на огромномъ куполѣ съ ней рядомъ. Надъ полоскою лѣса водруженъ Соборъ мощнымъ жестомъ, повелительно. Онъ приближается медленно, островъ-же растягивается въ длину. „Сергій“ держитъ курсъ на церковку, бѣлую съ золотомъ — скитъ Никольскій на крохотномъ островкѣ у входа, какъ-бы сторожевой постъ Валаама. Ночью отсюда свѣтитъ маякъ. А сейчасъ, пройдя мимо, медленно мы поднимаемся узкимъ, зеркальнымъ заливомъ, среди чудесныхъ лѣсовъ, къ пристани главнаго острова. Проплываемъ вдоль монастырскаго сада. Сверху, изъ-за чугунной рѣшетки, надъ бѣлыми корпусами келій все та-же громада Собора съ золотыми крестами. Вечерній благовѣстъ.

Съ группою дамъ, туристовъ, молодежи поднимаемся въ гору. Монахъ на телѣгѣ везетъ вещи. Смеркается. Густа зелень, въ ней бѣлѣютъ врата монастырскія, и по дорожкѣ, аллею липъ, кленовъ, орѣховъ, оказываемся у огромной, тоже бѣлѣющей въ полусумракѣ гостиницы. Июль, а еще жасминъ не отцвѣлъ. Жасминъ сладостно одуряетъ, есть въ этомъ запахѣ исконно-русское, для меня и афонское, сразу вспомнишь Андреевскій скитъ.

Худой и слегка согбенный, въ бѣломъ подрясникѣ, съ черною бородой и прекрасными ночными

глазами о. Лука, іеромонахъ-гостиникъ, устраиваетъ намъ комнату. Ея маленькое оконце выходитъ прямо въ жасминъ. Свѣтлыя стѣны, узость, видъ кельи, бѣдныя постели, издающія всякій разъ какъ переворачиваешься, мелодическій звукъ желѣзныхъ сѣтокъ, колець, пружинъ. . .

Монастырская жизнь началась.

* * *

Свв. Сергій и Германъ. Два инока, двѣ прямыя фигуры въ темномъ, Сергій старше, Германъ моложе, въ опущенныхъ рукахъ свитки, на нихъ письма. Древніе, не безъ суровости облики — основатели монастыря. Съ перваго же бѣглаго осмотра обители видишь ихъ здѣсь повсюду. Въ медальонѣ надъ входомъ въ гостиницу, надъ вратами, на иконахъ, на золотой кованой ракъ въ нижней церкви Собора. Стараешься представить себѣ ихъ живыми, въ дали четырнадцатаго вѣка, что нибудь узнать о жизни ихъ . . . — и почти ничего не узнаешь. Остается только ощущеніе величія и легендарности. Но не случайно явились они въ этихъ краяхъ, дикихъ и бѣдныхъ, подобно Трифону Печенгскому и Арсенію Коневскому.

На первыхъ порахъ удивляетъ, какъ мало древностей сохранилось въ самомъ монастырѣ. Объясняется это тѣмъ, что онъ много терпѣлъ, подвергался грабежамъ (особенно въ XVII в.).

Всетаки, всетаки. . . Былъ вѣдь Соборъ временъ Александра I, его разрушили, и соорудили теперешній, огромный и роскошный, но какой холод-

ный! Въ валаамскомъ строительствѣ, къ сожалѣнію совпавшемъ съ бѣдною художнически эпохой середины и конца XIX в., есть вообще духъ грандіоза.

Нѣчто отъ Александра III, нѣчто связано и съ игуменомъ Дамаскинымъ, ненасытной и мощной фигурой, которую можно было бы назвать, на афонскій ладъ, Афанасіемъ Великимъ Валаама. Должно быть, есть нѣчто въ характерѣ самого этого острова, на гранитныхъ глыбахъ лежащаго, надъ Ладогой воздымающагося, что влекло къ силѣ и размаху. Здѣсь бьютъ волны, зимой метели ревуть, сѣверные вѣтры валятъ площади лѣса. Все громко, сильно, могуче. Лѣсъ — такъ вѣковой. Скалы — гранитъ, луда. Монастырь — такъ на тысячу человѣкъ. Игумень Дамаскинъ чуть не великанъ, неутомимый, неусыпный, несмѣняемый (сорокъ лѣтъ властвовалъ надъ Валаамомъ и чего чего только не настроилъ). Даже колокола валаамскіе . . . вѣдь въ главномъ изъ нихъ тысяча пудовъ!

Но не мало силы и въ самой братіи, порожденіи Руси крестьянской, вѣками на Валаамѣ смѣнявшейся, но трудившейся упорно, безымянно. Вѣдь это маленькое государство. У него и лѣса, и посѣвы, покосы, молочная ферма, сады, огороды, водопроводъ, и какихъ только нѣтъ мастерскихъ. Все это лѣпится и живетъ вокругъ Собора и бѣлоснѣжнаго четырехугольника келій, трапезной, ризницы, бібліотеки и пр. Тутъ домъ игумена и управленіе, хозяйство и политика, и дипломатія, великолѣпныя службы въ Соборѣ, въ праздники наполненномъ карелами окрестностей, паломниками и туристами. Въ нижней церкви молебны у раки преподобныхъ, въ гостиницѣ

у о. Луки непрерывный притокъ и оттокъ прїѣзжихъ — кого тутъ только нѣтъ!

Внутренняя, духовная и поэтическая сторона Валаама раскрывается понемногу, не сразу. „Къ Валааму, нужно подходить молитвенно“, говорилъ мнѣ педагогъ изъ Таллинна. „Направляйтесь къ нему духовно“.

Не знаю ужъ, „направлялся“-ли я, и разумѣется, бѣглы впечатлѣнія паломника, все же думаю, что за внѣшнимъ, торжественнымъ фасадомъ Валаама, открылось въ эти нѣсколько дней и другое, — то, что даетъ славу Валааму внутреннему,

* * *

На другой день прїѣзда нашего игумень, о. Харитонъ, предложилъ съѣздить въ скиты на его моторной лодкѣ.

Мы отчалили часу во второмъ, при нѣжномъ свѣтѣ изъ-за высокихъ облачковъ. Высокій и загорѣлый, заросшій бородою о. Рафаиль у мотора, нагнувшись управляетъ рычажкомъ. Кромѣ игумена съ нами педагогъ Михаилъ Алексѣевичъ съ женою и мальчикомъ въ гимназической фуражкѣ. Да іеромонахъ Тарасій.

Лодка идетъ легко. Какъ стеклянна вода! Какой миръ, какой воздухъ, какъ прекрасно плыть мимо рѣдкихъ камышей, за которыми вѣковой боръ — сосны, ели столѣтнія. Кое гдѣ береза. И сколько зелени, какія лужайки! Все свѣтлое, очень тихое и нетронутое.

Когда подплываемъ къ мостику, подъ который надо пройти, о. Рафаиль выпрямляется, горбатый его

нось глядитъ впередъ, и какъ тритонъ въ раковину, трубитъ онъ побѣдоносно: мы, молъ, идемъ подъ мостомъ, мѣсто наше.

И мы быстро проносимся въ его мглѣ.

— Хороши эти лѣса, говоритъ о. Харитонъ медленно, негромко, будто слегка устало.

— Мы вѣдь ихъ не рубили. Дрова покупали у финновъ, только чтобы ихъ не портить.

Да, красота, а не лѣсъ. Такого я въ Финляндіи еще не видѣлъ. Игумень молча и задумчиво на него смотритъ. Монастырь, со всею сложностью и трудностью управленія, заботъ, скорбей — все позади. А сейчасъ тишина озеръ, лѣсовъ, ласковаго, еще блѣднаго солнца.

Мы ѣдемъ въ скитъ Всѣхъ Святыхъ. У о. игумена тамъ дѣло, а моторъ свой онъ даетъ намъ для ѣзды дальнѣйшей.

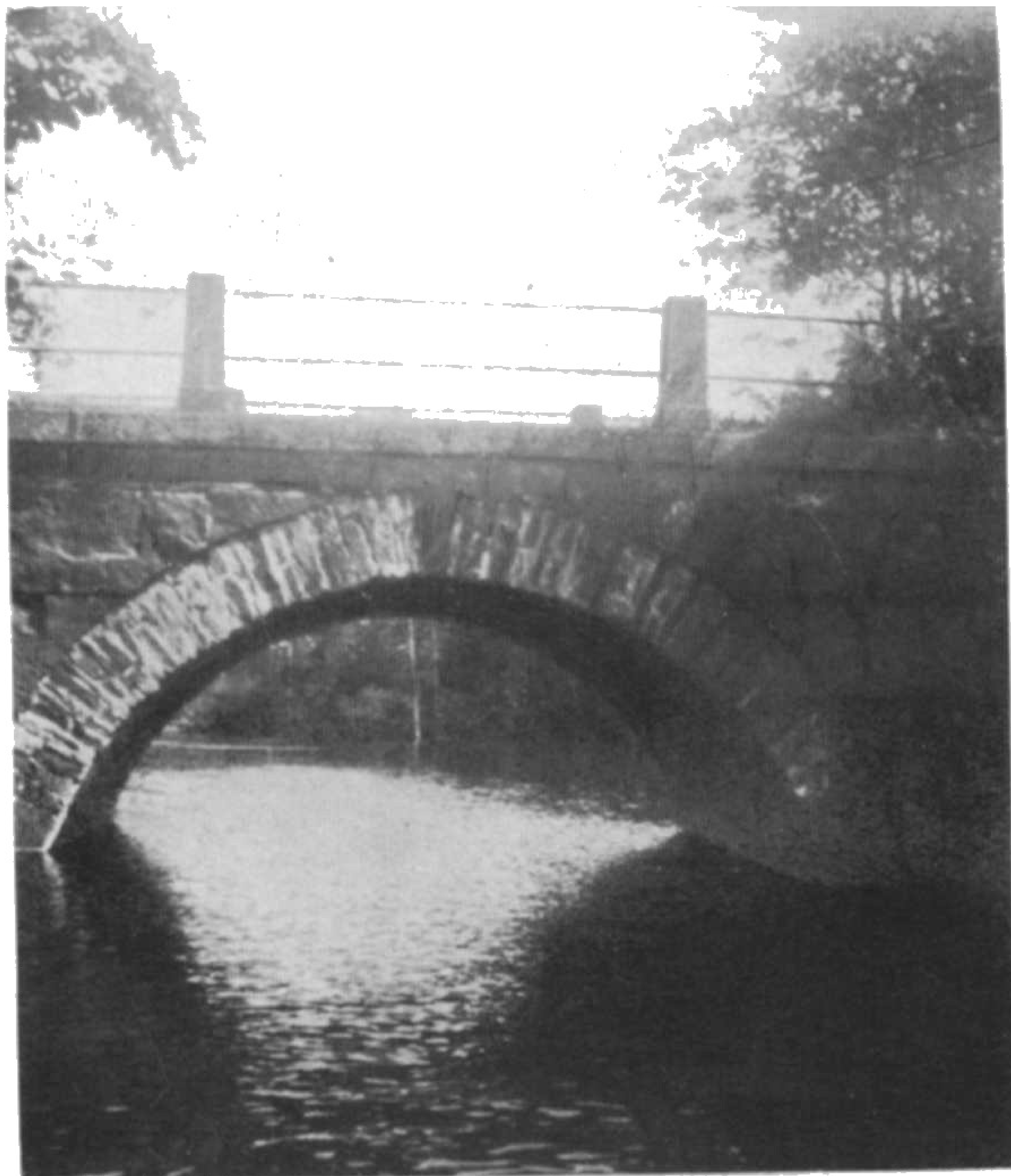
Вотъ и берегъ, лужайка, лѣсъ, и неторопливый путь къ скиту, и часовня, и могила іеросхимонаха Антипы, въ лиственной рощѣ, и ограда скитская . . . и ничего суроваго въ этой святой землѣ. Наоборотъ, свѣтло, особенная, чуть ли не райская тишина.

Женщинамъ въ скитъ нельзя. Да и мы сейчасъ не пойдёмъ. Мы поищемъ грибовъ, поклонимся могилѣ Антипы, полюбуемся солнцемъ, лѣсомъ, перекрестимся на порогѣ часовни.

— Это все о. Дамаскина труды — говоритъ игумень, медленно обходя стѣну, — за ней церковь, зданія. — А вотъ тутъ поглядите, что буря надѣлала.

И поднявшись на изволокъ, показаль съ грустію на плѣшину въ его любимыхъ лѣсахъ.

— Буря была ужасная. Сѣверный вѣтеръ, сразу

Мостъ у часовни Владимірской Божіей Матери.

Валаамскій видъ.

Скитъ
Всѣхъ
Святыхъ.

Въ лѣсу.

вырвало до четырехсотъ десятинъ въ разныхъ мѣстахъ острова.

У воротъ показался старый монахъ въ подрясникѣ. Мы простились. О. игуменъ останется тутъ до вечера, проведетъ тихіе часы въ уединеніи, а потомъ мы должны за нимъ заѣхать.

— Знаете, говоритъ улыбаясь Михаилъ Алексѣевичъ, когда подходимъ къ мотору: тутъ въ прошломъ году была съ нами маленькая исторія, на этомъ самомъ мѣстѣ. Тоже на лодкѣ пріѣхали, и съ нами старушка одна, француженка, лѣтъ семидесяти — ее занесло какъ то на Валаамъ, она тоже все по скитамъ ѣздила, ужасно нравилось ей. Настолько любила тишину эту валаамскую, красоту, весь благообразный складъ жизни, такъ и говоритъ: „Это рай“. (Сама католичка). „Я всю жизнь прожила, и только теперь, надъ могилой узнала, что на землѣ есть рай. Какъ ваши иноки и старцы на островѣ живутъ, это и есть рай“. Хорошо, рай раемъ, а вѣдь и домой въ монастырь надо. Назадъ полагалось итти пѣшкомъ. Она дошла до этой лужайки, сѣла подъ деревомъ, и ни съ мѣста. Силь нѣтъ, и нога разболѣлась. Итти никакъ не можетъ, что тутъ дѣлать? Попробовали лодку покликать, да мѣсто тихое, никого нѣтъ. Просто хоть ночуй тутъ съ нею. Такъ до вечера и просидѣли, пока монашекъ случайный, съ фермы, на лодкѣ не выручилъ.

Она долго въ монастырѣ прожила. И когда въ Парижъ уѣзжала, то представьте, изъ бересты коробочку себѣ раздобыла, и туда земли валаамской на память собрала. Съ тѣмъ и уѣхала, что въ раю побывала.

* * *

Теперь у рычажка мальчикъ Свѣтикъ. О. Рафаиль рядомъ, поглядываетъ за нимъ и показываетъ, гдѣ братъ правѣе, гдѣ лѣвѣй. Остановливаемся у Смоленскаго скита. Среди чудеснаго лѣса маленькая церковь, новая, въ духѣ древняго зодчества. Здѣсь іеросхимонахъ о. Ефремъ — высокій, жизнерадостный, съ улыбающимися глазами. У него сейчасъ гости: за столикомъ, подъ соснами, въ простенькихъ подрясникахъ два старыхъ монаха пьютъ чай: о. Павлинъ, бывшій игуменъ Валаама, на-дняхъ постригающійся въ схиму, худой, съ вѣрообразными бровями, и другой, о. Іоаннъ, тоже худенькій, изъ Предтеченскаго скита. Солнце, сквозь сосны, тепло и мирно беретъ лучами этихъ двухъ стариковъ. О. Ефремъ одинъ живетъ здѣсь. Онъ показываетъ церковь, крохотную келійку при ней, гробъ съ поднятою крышкой. На ней изображенъ скелетъ, а въ гробу подушка и постель.

— Да, вотъ такъ и живу, по немножку... О. Ефремъ духовникъ братіи. Отсюда, на лодочкѣ, ѣздитъ въ монастырь. У самой воды у него другая избушка, тоже крошечная, и тоже иконы, тоже гробъ. Одинъ гробъ для лѣта, другой для зимы, въ нихъ по очереди онъ и спитъ, но ничего страшнаго въ этомъ нѣтъ, о. Ефремъ жизнерадостнѣе многихъ, спящихъ на роскошныхъ кроватяхъ.

Чтобы не мѣшать его гостямъ и не отрывать его, мы не задерживаемся. И черезъ нѣсколько минутъ Свѣтикъ, серьезный и внимательный, гордый ролью капитана, ведетъ насъ на моторѣ дальше.

О. Тарасій съ Михаиломъ Алексѣвичемъ совѣ-

щаются, куда ѣхать сначала: на Коневскій, или къ о. Феодору. Рѣшили къ Феодору.

Моторъ заходитъ въ дальній, тѣсный уголь залива. О. Рафаиль самъ берется за управленіе: узенькимъ каналомъ, съ галькой, песочкомъ, чуть не доставая рукой до прибрежныхъ кустовъ, выходимъ съ Валаамскаго острова на Ладогу. Она довольно покойна, голубѣетъ вдаль, къ едва виднымъ мягкимъ холмамъ, все же моторъ покачиваетъ. Мы описываемъ медленно дугу, и мимо островка со скитомъ св. Іоанна Предтечи, наиболѣе строгаго на Валаамѣ, идемъ къ другому островку.

Здѣсь нѣтъ никакого скита. Просто живетъ отшельникъ, схи-игумень Феодоръ, въ своей избушкѣ.

— Только я умоляю васъ, о. Тарасій, говоритъ Михаилъ Алексѣевичъ, разглаживая поблескивающую раздвоенную бороду: чтобы онъ самовара не ставилъ.

О. Тарасій не безъ лукавства посмѣивается большими голубыми глазами.

— Да ужъ не тревожьтесь. Пожалуйста впередъ, къ прудику. А я предупрежу . . .

— Я васъ знаю, о. Тарасій, придемъ, а ужъ самоваръ пыхтитъ. . . . Нѣтъ, я тогда не пойду, вы должны обѣщать. . .

Онъ оборачивается ко мнѣ.

— Представить себѣ нельзя, до чего монахи здѣсь гостепріимны. Вѣдь кто ни придетъ, старикъ бѣжитъ ставить самоваръ.

— Ничего-съ, ничего-съ. . .

Михаилъ Алексѣевичъ сопротивляется, но самъ мало въ сопротивленіе вѣритъ. А пока что, мы идемъ въ горку, а о. Тарасій влѣво, къ деревянному домику.

— О. Феодоръ давно тутъ живетъ. Видите, его хозяйство. Яблони, огородъ. . . Все своими руками. Ему за семьдесятъ. А какая тутъ почва? Одинъ камень. Такъ вѣдь на себѣ землю таскалъ, Богъ знаетъ откуда, вотъ и добился.

Мы подошли къ пруду, тоже, конечно, собственнаго производства — онъ кишитъ мелкой рыбешкой. Бросишь корочку, все населеніе сразу толпится, шуршитъ, чмокаетъ, разные жадные типы выскакиваютъ до половины наружу, налету ловя приношеніе.

Мы ими полюбовались. И медленно, огородомъ, пошли къ домику о. Феодора.

— Вы не думайте, шепнулъ Михаилъ Алексѣевичъ: теперь отъ чая ужъ нельзя отказаться. Будетъ обида.

— Ну, здравствуйте, милые, здравствуйте, кого Господь принесъ? Милости прошу. . .

О. Феодоръ высокій, крѣпкій старикъ съ загорѣлымъ лицомъ, живыми, свѣтлыми глазками, сѣдою бородой. За угломъ о. Тарасій раздуваетъ самоваръ.

Благословилъ насъ о. Феодоръ истово, сразу ставъ торжественнымъ, но попрежнему ласковымъ. И высокимъ, тонкимъ голосомъ со своеобразнымъ переливомъ, какъ бы ярославскою скороговоркою пригласилъ подъ деревья къ столику. Варенье, сахаръ, хлѣбъ, чашки.

— Издали? Ну, и слава Богу, вотъ и навѣстили старика, милые мои. . .

Мы для него „міръ“, неизмѣнно здѣсь появляющійся, иной разъ и утомительный, но все тянущійся къ облику болѣе высокой, чистой и духовной жизни.

Такой о. Феодоръ чувствуетъ, что онъ кому то нуженъ, этимъ неизвѣстнымъ для него „братьямъ — нынче одни, завтра другіе, но всегда братья и всегда чего то хотятъ позаимствовать.

О. Тарасій подалъ самоваръ. О. Феодоръ такъ же былъ привѣтливъ и словоохотливъ. Онъ не поучалъ, ничего не навязывалъ. Просто повѣствовалъ, какъ былъ послушникомъ на Валаамѣ, какъ работалъ на пекарнѣ, въ кухнѣ, на мельницѣ, и все со смѣхомъ и улыбкою: весело, молъ, было жить! А позже попалъ въ Борисоглѣбскъ игуменомъ, и опять назадъ на Валаамъ вернулся, и опять все хорошо, нечего Бога гнѣвить.

Изъ за чайнаго этого столика, съ высоты усадьбы о. Феодора открывается дальній видъ: внизъ идутъ сосны, рѣдковатымъ строемъ, и сквозь нихъ Ладога, тихимъ серебромъ посверкиваетъ, вдаль сизѣетъ и лиловѣетъ. Много ниже насъ на одинокій столбъ сѣла чайка. Мы обратили на нее вниманіе.

— Какъ же, какъ же, постоянно прилетаетъ. Славная. Мы съ ней знакомые, можно сказать друзья. Она меня не боится. Сядетъ, и все курлыкаетъ тутъ, на своемъ языкѣ. А только я ейнаго языка не понимаю. Покурлыкаетъ, перышки себѣ клювомъ почиститъ, и досвиданья, до слѣдующаго разу.

* * *

Въ шестомъ часу о. Тарасій вынимаетъ изъ глубокаго кармана часы.

— А вѣдь еще въ Воскресенскій хотѣли, да къ отцу Николаю на Коневскій.

Подымаемся. Михаилъ Алексѣевичъ съ моею

женой не безъ таинственности отводятъ о. Феодора въ сторонку, вполголоса съ нимъ что то разсуждаютъ.

Высокій, съ нѣсколько сейчасъ смущенною улыбкой, въ сѣромъ подрясникѣ, съ великорусскимъ говоркомъ, болѣе онъ похожъ на пчеловода, чѣмъ на схи-игумена. Вотъ гдѣ о гробахъ и помину нѣтъ!

— Ну хорошо, милые, ну хорошо . . .

Маленькій заговоръ я зналъ. Въ ночь на воскресенье, передъ ранней литургіей, въ Коневскомъ скиту будетъ онъ насъ исповѣдывать и причащать.

И когда мы плыли къ Воскресенскому скиту, солнце мирно золотило Ладогу. Погода окончательно установилась. Да и въ душѣ, казалось, что-то наладилось. Не то, чтобы новыя мысли или премудрость какая осѣнили. Ничего особеннаго намъ о. Феодоръ не сказалъ. Но вотъ ощущеніе, что все въ порядкѣ (яко бы наперекоръ всему, что въ мірѣ дѣлается, даже многимъ скорбямъ въ самомъ монастырѣ, ибо и монастырь не рай) — ощущеніе прочности и благословенности осталось. Все хорошо — несмотря ни на что. Рыбки радость, яблони, огородъ, знакомая чайка на столбу — все радость.

Если-бы съ нами была сейчасъ та старая французенка, она не измѣнила бы своего мнѣнія о Валаамѣ.

По скитамъ.

Свѣтикъ и о. Рафаиль подвезли насъ къ пристани. О. Тарасій помогаль выходить. Заросшая соснами возвышенность, вверхъ вьется тропинка — къ Воскресенскому или Іерусалимскому скиту.

О. Тарасій оборачивается.

— А вы теперь, значить . . . прямымъ ходомъ къ Гефсиманіи. Тамъ у креста и будете съ моторомъ ждать.

Мы поднимаемся, не то, чтобы въ гору Чистилища, но все таки не такъ ужъ мало. Съ поворотами тропинки шире раздвигается видъ на Никоновскій островокъ, правѣе его островъ о. Феодора, а за ними все возрастающая, дальне-сребристый горизонтъ самой Ладоги. Вся эта мѣстность называется Никоново, по имени пустытника, здѣсь обитавшаго въ XVIII вѣкѣ.

Но легенда уводитъ и дальше. На мѣстѣ храма, куда поднимаемся, съ незапамятныхъ временъ стояла часовня въ честь св. Апостола Андрея. Какъ бы ни относиться къ преданію о посѣщеніи Валаама св. Андреемъ, мѣсто все таки свято, освящено вѣками отшельническихъ, высокихъ и духовныхъ жизней.

— На эту стройку много трудовъ положено, говоритъ о. Тарасій, когда мы приближаемся къ кирпичной, красной церкви. — Фундаментъ прямо въ

гранить врубленъ... иной разъ и порохомъ приходилось взрывать.

Верхній храмъ — Воскресенія, нижній св. Андрея, въ немъ „Кувуклія“ съ подобіемъ Гроба Господня. Въ низенькомъ помѣщеніи, въ глубинѣ церкви, кубической формы камень, красный гранить, образъ того камня, что приваленъ былъ ко входу въ пещеру Гроба. Маленькая эта, темная комната называется Придѣломъ Ангела — Ангель отвалилъ нѣкогда камень. А въ гранить вдѣлана изъ іерусалимскаго камня частица.

Таинственно тутъ, тихо. Нагибаешься вдвое, сквозь совсѣмъ низкую дверкуходишь въ еще высшее святилище: пещеру св. Гроба, точную копию того іерусалимскаго, у котораго въ сороковыхъ годахъ стоялъ на литургіи и причащался Гоголь. Тутъ совсѣмъ ужъ темно. Только неугасимая лампада надъ Гробомъ (на немъ Плащаница и въ серебряной оправѣ частица камня іерусалимскаго. Къ ней прикладываются входящіе).

Мы кончали уже осмотръ Кувукліи, когда въ храмъ, подъ водительствомъ худенькаго, слегка согбеннаго, но очень живого іеромонаха о. Памвы, появилась толпа молодежи — православное юношество изъ Выборга.

— Ну, вотъ, вотъ и хорошо, говорилъ о. Памва, сіяя прекрасными глазами, легкой, суховатой рукою давая благословеніе: ужъ не извольте теперь уходить, видите, я со своими птенцами... И сейчасъ же во св. Пещерѣ молебень отслужимъ, и будетъ славно...

Мы поднялись въ верхній храмъ. Нельзя сказать, чтобы онъ очень останавливалъ вниманіе — свѣтлый,

нѣсколько холодноватый, съ интереснымъ развѣ только запрестольнымъ образомъ XVIII в., работы іеромонаха Амфилохія (Христосъ Царь Славы, Богоматерь и Іоаннъ Предтеча, со слегка западнымъ отѣнкомъ письма, удивляющимъ на Валаамѣ).

Пока о. Тарасій объяснялъ мнѣ противоположность съ нижней, полутемной церковью, гдѣ Христосъ поруганный, въ Гробу, здѣсь же Онъ въ торжествѣ, я обратилъ вниманіе на молодого, огненнорыжаго монаха, оживленно разговаривавшаго съ моей женой. Онъ улыбался радостно, почти блаженно. По движенію губъ на простоватомъ лицѣ было видно, что онъ слегка косноязыченъ. Стараясь не обращать на себя его вниманія, я приблизился.

— Значить, земляки... Изъ Москвы! Какъ же не изъ Москвы, я самъ оттедова. У насъ прямо и лавка тамъ была... на Долгоруковской...: у папаньки. Бакалейщики мы.

Извѣстно, что такое москвичи, и земляки, да Богъ вѣсть черезъ сколько лѣтъ, послѣ всѣхъ бѣдъ и революцій на Валаамѣ встрѣтившіеся. Монахъ былъ въ полномъ восторгѣ, встрѣтивъ земляковъ, и отъ волненія еще болѣе заикался.

— Что-жъ, вы довольны тутъ, на Валаамѣ? Послѣ Москвы то?

— Я? Да какъ же не доволенъ? Даже очень доволенъ. Я всѣмъ доволенъ. Слава Богу, хорошо живу.

Тутъ же и выяснилось, что этотъ веселый человекъ въ замызганномъ подрясникѣ находится на не легкихъ работахъ, на самой низшей ступени іерархіи, одинъ „изъ малыхъ сихъ“. Но ему все хорошо, его

ничѣмъ не возмешь. Такого, конечно сослали бы на Соловки, посадили бы въ концентраціонный лагерь, онъ все бы улыбался да творилъ Іисусову молитву. Это его дальніе братья улыбались на римскихъ аренахъ лвамъ.

Пока они съ женой моей вспоминали, гдѣ какая въ Москвѣ часовня и какой переулокъ, снизу прислали сказать, что молебень въ Кувукліи начался. Мы поспѣшили сойти. Придѣлъ Ангела былъ уже полонъ. Стояли плечо къ плечу. О. Памва служилъ въ Пещерѣ. Оттуда, слегка приглушенно, звучалъ небольшой хоръ той же молодежи. „Христосъ воскресъ изъ мертвыхъ“. Темно, тѣсно, жарко... но такъ тихо, такъ замерло все и соединилось въ сопереживаніи того, что двѣ тысячи лѣтъ назадъ совершалось въ такой же вотъ тѣсной Пещерѣ, съ такимъ же камнемъ — отвалившись, перевернулъ онъ весь міръ...

Когда служеніе кончилось, дѣвушки, молодые люди, пожилыя дамы, сгибаясь вдвое, вылѣзали изъ жаркой Пещеры, а мы поодиночкѣ пролѣзали туда, прикладывались ко Гробу и подходили подъ благословеніе къ о. Памвѣ. Лобъ у него былъ влажный, глаза сіяли.

— Духота какая, говорили пѣвчіе-барышни. — Временами даже стоять было трудно.

Но у всѣхъ взволнованныя лица, умиленные. У нѣкоторыхъ слезы. Юноши покрѣпче. Но и у нихъ настроеніе повышенное.

Впрочемъ, молодость беретъ свое: выйдя на паперть, студенты побѣжали кто на колокольню, кто съ аппаратомъ снимать барышень.

— Въ общемъ, шикарный скитъ, донеслось откуда то, нѣкій Сережа или Митя отъ души выразилъ восхищеніе. Барышни на него зашикали.

— Развѣ можно такъ о скитѣ?

— Да вѣдь я и говорю, что прекрасный...

* * *

О. Памва со своимъ выводкомъ отплылъ на большомъ ботѣ, мы же еще остались. О. Тарасій и мѣстный священникъ, о. Лаврентій, показывали намъ пріютъ при скитѣ, вѣрнѣе, само помѣщеніе — мальчики ушли куда то на прогулку.

О. Лаврентій, молодой, бритый, съ нерусскимъ акцентомъ, обликъ уже финскаго православія, объяснялъ все подробно. Тутъ вотъ больница, тутъ столовая, это спальни.

— Васъ, можетъ быть, удивить, что здѣсь такой порядокъ, говорилъ онъ. — Скажутъ: да нельзя и повѣрить, что дѣти дѣйствительно живутъ, это, молъ, одна декорація. А, однако, они именно тутъ и ночуютъ, въ этой столовой ѣдятъ, и такъ далѣе. Это мальчики карелы, которыхъ мы ведемъ въ духѣ православія.

О. Тарасій перебилъ его.

— У нихъ недавно печальный случай вышелъ... онъ и печальный, и замѣчательный. Мы мальчика то этого только что въ монастырѣ отпѣвали.

— А, это вы о смерти Георгія?

— Вотъ именно... онъ вѣдь какъ разъ русскій мальчикъ.

— И былъ очень хорошій ученикъ, спокойно

сказалъ о. Лаврентій. — Вообще примѣрный воспитанникъ.

— Вообразите, продолжалъ о. Тарасій, очень оживленно — даже показалось, что слегка онъ волнуется: были дѣти на покосѣ, трясли сѣно, жарко знаете ли, разогрѣлись, побѣжали воды испить. Всѣ выпили. Ни съ кѣмъ ничего. Одинъ этотъ Георгій...

— И надо добавить, методически подкрѣплялъ о. Лаврентій: что этотъ мальчикъ отличался особою серьезностью. Былъ весьма религіозенъ. Безъ сравненія съ другими. Ему шель одиннадцатый годъ, а онъ уже отлично зналъ церковную службу.

О. Тарасій опять горячо перебилъ. Въ его небольшихъ, голубыхъ глазахъ ясно чувствовалось волненіе.

— Да, заболѣваетъ. Температура страшная, пріѣзжаетъ нашъ фельдшеръ, ну, успокаиваетъ его, ничего, моль... пройдетъ. Скоро выздоровѣешь. А онъ прямо и говоритъ: „Нѣтъ, не выздоровѣю. Я ужъ знаю. Какихъ бы докторовъ ни звали, я все равно помру“. И такъ, видите ли, увѣренно, точно и вправду знаетъ. Жаръ же, разумѣется, все пуше. Но онъ сознанія не терялъ. Надо думать, воспаленіе легкихъ?

О. Тарасій вопросительно оглянулся, какъ бы спрашивая воображаемаго доктора.

— Онъ здѣсь и лежалъ, на этой кроваткѣ въ лазаретѣ, протянулъ о. Лаврентій, указывая на ослѣпительную, финской чистоты и аккуратности, постель. Правда, трудно себѣ представить, чтобы нѣсколько дней назадъ умеръ на ней ребенокъ.

— Да, и главное то: совсѣмъ незадолго до смерти (а онъ и хвораль нѣсколько дней), приподымается этотъ Георгій на кровати, смотритъ такъ пристально, и говоритъ: „Видите, видите?“ — Нѣтъ, моль, ничего не видимъ. „Да какъ же не видите, вонъ Онъ... Господь то нашъ, Іисусъ Христосъ, вонъ въ ногахъ у постели стоитъ“. Ну, кто былъ, смотрятъ, ничего не видятъ. А онъ даже волноваться началъ. „Да вѣдь вотъ Онъ, совсѣмъ рядомъ, вѣдь свѣтъ то отъ Него какой, вѣдь свѣтлѣй солнечнаго, неужели не видите?“

Что то перехватило горло о. Тарасію.

— Никто то вотъ не видалъ, онъ видѣлъ. Къ нему, къ ангельской то душкѣ самъ нашъ Повелитель пришелъ, и прямо его къ Себѣ на грудь принялъ... Это ужъ что говорить...

— Замѣчательный случай, сказалъ покойно о. Лаврентій. — Я лично присутствовалъ, по долгу завѣдующаго. Мальчикъ, дѣйствительно, утверждалъ, что видитъ.

* * *

Поблагодаривъ о. Лаврентія, мы пѣшкомъ, неторопливо двинулись изъ скита. Ладога стала совсѣмъ синяя, съ голубизною, со свѣтлыми кое гдѣ, стеклянными струями. Въ направленіи Сердоболя вился дымокъ. Бѣлая точка подъ нимъ, маленькій „Сергій“ возвращался съ паломниками на Валаамъ.

— Я полагаю, сказалъ о. Тарасій, сохраняя какъ бы взволнованность, но и задумчиво: что мальчикъ этотъ былъ особенный, святой.

— Видимо, что особенный, о. Тарасій.

Дорога медленно, плавными полудугами, спускалась внизъ. Справа, слѣва открывались лѣса, кой гдѣ блестѣло серебро пролива. Далеко надъ лѣсомъ воздымалась колокольня монастыря.

Очаровательны такія монастырскія дороги — на Афонѣ ли, на Валаамѣ — межъ лѣсовъ, въ благоуханіи вечера наступающаго, въ тишинѣ, благообразіи святыхъ мѣстъ. Незамѣтно будто бы, но нѣчто входитъ и овладѣваетъ путникомъ.

О. Тарасій посмотрѣлъ на меня.

— Вамъ нравится у насъ тутъ?

— Очень нравится, о. Тарасій.

И я, и спутники не были разговорчивы сейчасъ, но о. Тарасій, думаю, почувствовалъ, что надъ всѣми нами нѣкая власть его Валаама. „Валаамскіе монахи обожаютъ свой островъ“, говорили мнѣ и раньше: „холодность къ нему воспринимаютъ какъ обиду“.

— Раньше, знаете... тутъ не только зайцы, лисы людей не боялись. Прямо на дорогу и выходитъ, хвостомъ своимъ, помеломъ, помахиваетъ. Ну, теперь много пораспугали.

Мы спустились къ мосту черезъ глубокой оврагъ. На другомъ берегу оврага опять церковь, небольшая, деревянная.

— Гефсиманія. Раньше тоже тутъ скитъ былъ, а теперь въ запустѣніи. Въ томъ зданіи финны солдаты живутъ, артиллеристы.

„Міръ“ вошелъ таки на Валаамъ: что дѣлать! Въдъ совѣтская граница, по водѣ Ладоги, въ какихъ нибудь двадцати верстахъ.

Мы зашли въ церковь, благоухающую кипари-

сомъ — весь ея рѣзной иконостасъ, изъ кипарисоваго дерева созданъ „трудами валаамскихъ иноковъ“.

А въ сторонѣ отъ церкви, на лужайкѣ, окаймленной лѣсомъ, стоитъ бѣдная часовенка, совсѣмъ открытая. Огромная икона-картина „Моленіе о чашѣ“ всю ее занимаетъ. Впечатлѣніе такое, что просто среди лѣса икона, едва прикрытая отъ дождей — типичный валаамскій уголокъ, божественное, окруженное природой, природа, знаменованная святыней.

...Въ прозрачномъ вечерѣ, спустившись внизъ къ заливу, мы нашли моторъ и моряковъ нашихъ : Свѣтика и о. Рафаила, въ мирномъ разговорѣ. Каменный крестъ высился надъ ладьей, на берегу. А надъ нимъ отвѣсныя скалы, на вершинѣ которыхъ сосны.

И мы сѣли, чтобы продолжать нашъ путь по острову.

* * *

О. Николай, худенькій, съ бородкою, съ кроткими сѣрыми глазами, тихій и безотвѣтный, смиреннымъ видѣніемъ встаетъ въ памяти моей на плотинкѣ близъ Коневского скита. Сзади пустынька о. Дамаскина — мы не успѣли въ этотъ разъ осмотрѣть ее. Слѣва озерцо, узкое и длинное, съ плавающими по водѣ желтыми березовыми листьями. И справа озеро, тоже малое, и тоже зеркальное. Кругомъ лѣсъ, тишина. Прямо передъ нами церковь, и у входа о. Николай, схимникъ и пустынножитель, даже не іеромонахъ. Онъ не можетъ васъ благословить, но съ какимъ глубокимъ уваженіемъ цѣлуешь эту старческую, морщинистую руку... О. Николай

ведетъ показывать свою деревянную церковь. Онъ всѣмъ видомъ своимъ какъ бы извиняется за то, что существуетъ. Въ этой послѣдней скромности его есть даже и таинственное. Семидесятилѣтній старичекъ, точно сошедшій съ нестеровской картины (схимникъ у озера), но вотъ такой тихій и особенный, что сядетъ онъ въ лодку — лодка сама и поплыветъ. Зайцы придутъ кормиться изъ его рукъ, ласточка сядетъ на рукавъ. Можетъ быть, онъ идетъ, а можетъ быть, и уйдетъ туда, за церковь, растаетъ въ лѣсу.

— Онъ будетъ въ ночь на воскресенье сослужить въ этой церковкѣ о. Феодору, когда мы причащаться то будемъ, шепчетъ Михайль Алексѣевичъ.

... Времени мало и мы торопимся. Главное посещение Коневского скита еще впереди. А сейчасъ мы ѣдемъ за о. игуменомъ, опять въ скитъ Всѣхъ Святыхъ. Какой полный день! Въ жизни нѣтъ одинаковости. То недѣли и мѣсяцы, гдѣ все пусто, то часы, заставляющіе тебя, въ переполненности, молчать, быть наединѣ съ налитымъ въ тебя.

Моторъ постукиваетъ. Опустивъ руку за бортъ, чертишь пальцемъ по бѣгущей водѣ узоръ, разливающейся серебромъ. Смотришь на гранитные утесы. Они поросли мхомъ. Вотъ березка повисла надъ гладью, надъ стекломъ залива. А тамъ выше богородицына травка разметалась по лудѣ лиловыми пятнами, подъ соснами, до которыхъ и не доцарапаешься по отвѣсу.

Заѣхавъ за о. игуменомъ, мы возвращались въ монастырь. На одномъ изъ поворотовъ залива справа выплылъ большой ботъ о. Памвы съ паломниками.

Свѣтикъ и о. Рафаиль застопорили. О. Памва также. Корабли наши сблизились, двигаясь по инерціи, потомъ мы дали немного ходу и выдвинулись впередъ. Увидѣвъ о. игумена, молодежь съ о. Памвою поднялась, стоя хоромъ пѣли они знаменитую пѣснь монастырскую: „О, дивный островъ Валаамъ...“ Она звучала здѣсь довольно стройно. О. игумень тоже поднялся, благословилъ издали паломниковъ.

Потомъ сѣлъ, тихимъ своимъ голосомъ сказалъ мнѣ :

— Пріятно видѣть здѣсь православныхъ, русскихъ. Это намъ всегда очень радостно.

И указалъ о. Рафаилу рукой движеніе къ монастырю. Свѣтикъ нажалъ рычагъ, нашъ моторъ какъ адмиральское судно, пошелъ впередъ. Сзади плыли паломники.

И сквозь шумъ машины хоръ выводилъ свой однообразный напѣвъ :

„Рука божественной судьбы

„Воздвигла здѣсь обитель рая...“

Приблизившись къ мостику, подъ который надо намъ было приходиться къ монастырю, о. Рафаиль всталъ и опять сигнально протрубилъ въ свой небольшой рогъ.

Валаамскій вечеръ.

Мы долго бродили у монастырской рѣшетки, подъ деревьями, надъ проливомъ. Сквозь листья краснѣлъ закатъ. Ладога подъ нимъ сизѣла. Лѣсъ зеркально отображался въ проливѣ — сосны росли кронами внизъ. Потомъ прошелъ бѣлый парходикъ изъ Сердоболя, сломалъ зеркало. Сосны въ водѣ затанцовали змѣями.

Восьмой часъ, пора домой. И вдоль бѣлыхъ корпусовъ монастыря, мимо Святыхъ воротъ, мимо часовни, густой аллеей, темнѣющей уже, мы выходимъ къ бѣлой нашей гостиницѣ, утопающей въ жасминѣ.

Какъ разъ часъ ужина. По гулкимъ каменнымъ коридорамъ пожилыя женщины носятъ въ номера ѣду. И въ нашу узкую комнату, сдавленную тяжкими стѣнами, постучала со словами молитвы наша Евфросиньюшка.

— Подавать, барыня, прикажете? — обратилась къ женѣ.

Мы сидимъ у стола, передъ небольшимъ оконцемъ. Красная заря пылаетъ въ немъ за жасминомъ. На скромныхъ кроватяхъ нашихъ, на самой Евфросиньюшкѣ ея отсвѣтъ.

— Пожалуйста, подавайте.

Евфросиньюшка, кажется, изъ Архангельской губерніи. На ней платочекъ, вдовьяго цвѣта кофта, грубые башмаки. Лицомъ блѣдновата, часто улыбается, обнаруживая неважные зубы, по сѣверному окаеть. Въ движеніяхъ довольно быстра. Подаетъ, убираетъ съ тѣмъ видомъ, что вообще ей всю жизнь, съ утра и до вечера такъ и надлежитъ разносить, мыть посуду, работать въ прачешной.

Вотъ она внесла на большомъ подносѣ гороховый супъ и рисъ.

— А еще, баринъ, вамъ о-тець Лука, во-о, гостиникъ . . . велѣлъ передать: какъ вы его звали, то нынче, значить, съ гостями управимшись, къ вамъ придетъ. Гости съ пароходомъ понаѣхали.

Она ставитъ на столикъ намъ нехитрыя яства.

— Все и хлопчемъ, все вотъ и охлопатываемъ.

— Что же, вы давно тутъ при монастырѣ? — спрашиваетъ жена.

— А давно, милая барыня. Безъ малаго усю жизнь. Я ужъ тутъ пріобыкла.

Она смотритъ своими бѣлесоватыми глазами, точно говоритъ: „гдѣ же мнѣ иначе и быть-то, какъ не въ монастырѣ?“

— Зимой, навѣрно, у васъ тутъ сумрачно?

— Чего сумрачно! Гостей нѣтъ, гостиница пустая . . . ну, конечно, снѣгомъ все заметаетъ, а мы ничего. Дорожки-то, во-о, протоптаны, мы въ валенкахъ. Ничего. На братію стираемъ, одежку чинимъ.

— А въ городѣ бывали?

— Какъ-же, какъ-же . . . Я въ Сердоболѣ была.

Мы ѣдимъ прѣсный гороховый супъ. Она стоитъ около двери, слегка улыбаясь.

— У меня полушалокъ поизносился, я къ о. Лукѣ. Онъ мнѣ далъ тридцать марокъ, говоритъ: „сѣзди въ Сердоболь, тамъ себѣ и купишь“. Разумѣется дѣло, лѣтомъ нельзя, а зимой ничего, сѣздила.

— Въ этомъ году?

— Нѣтъ, не въ этомъ, тому годковъ пять. Съ нашими же, съ прачками. Ничего, хорошо сѣздили.

— Городъ-то посмотрили?

— А чего его смотрѣть? Городъ, какъ городъ. Полушалокъ купила, да и домой.

— Что-же, теперь когда соберетесь?

Евфросиньюшка весело разсмѣялась. Вопросъ показался ей страннымъ.

— Да вѣдь я тотъ-то полушалокъ безъ малаго пятнадцать лѣтъ носила. А такъ у меня все, слава Богу есть. Мнѣ ничего не нужно. Ну, сѣздила разокъ, и чего тамъ . . . Господь съ нимъ, съ городомъ. Мнѣ ничего не нужно. Вотъ, свою недѣльку у васъ отслужу, а тамъ другая меня смѣнитъ, мы по очереди. Лѣтомъ то хлопотно, гостей много . . . вотъ и заговорила съ вами . . .

Евфросиньюшка вышла, а мы доѣдали монастырскія блюда.

— Прелестъ, — сказала жена. — Лѣтъ черезъ десять сѣздить еще разокъ въ Сердоболь.

Въ окнѣ потемнѣло, когда Евфросиньюшка принесла самоваръ, — какъ слѣдуетъ, кипящій, съ угарцемъ. Зажгли лампу, кажется, лучшую отысканную для меня въ монастырѣ. Отъ ея зеленого колпака,

выпуклыхъ узоровъ на резервуарѣ, пахнуло Калугой, дѣтствомъ. При такихъ лампахъ готовили мы когда-то уроки.

* * *

Насколько быстра и какъ бы безраздумна въ простотѣ своей Евфросиньюшка, настолько медленъ, сдержано-серьезенъ, и весь „въ себѣ“ о. Лука. Онъ постучалъ, вошелъ, перекрестился на икону, высокій, худой и слегка сгорбленный, въ бѣломъ подрясникѣ съ чернымъ бархатнымъ поясомъ. Приблизился къ столику, благословилъ яства и степенно сѣлъ. Онъ, какъ говорятъ, „хозяинъ“ гостиницы. Цѣлый день на ногахъ, цѣлый день обращаются къ нему съ разными мелочами, и не разъ, глядя на него, думалось, почему этотъ человѣкъ съ мистическими темными глазами, худощавымъ чернобородымъ лицомъ, воистину иконописнымъ — почему приставленъ онъ къ такому „мірскому“ дѣлу? Онъ очень живописенъ раздавая ключи молодымъ послушникамъ и переводчикамъ, водворяющимъ туристовъ, но все-таки больше я его вижу въ церкви, совершающимъ литургію, чѣмъ въ холлѣ монастырскаго отеля.

Онъ сѣлъ, спокойный, и задумчивый, съ нѣсколько усталымъ и болѣзненнымъ видомъ — иногда мнѣ и вообще казалось, что онъ преодолагаетъ физическія боли. Разговоръ неторопливо налаживался. Временами о. Лука полузакрывалъ глаза, медленно проводилъ рукою по лбу, поправлялъ прядь волосъ.

— Да, прїѣзжіе бываютъ разнообразны. Конечно, русскіе намъ ближе. Мы тотчасъ разбираемъ, кто православные паломники и посѣщаютъ службы, кто туристы.

Это замѣтно, разумѣется, и безъ его словъ. Для иностранцевъ и туристовъ есть дорогой ресторанъ (ravincola, тутъ же при гостиницѣ), паломники „вкушаютъ“ монастырскую пищу по номерамъ.

— Хотя, надо сказать, продолжалъ о. Лука, что и среди иностранцевъ попадаются интересные.

Онъ слегка улыбнулся. По его строгому лицу прошло что то смягченное.

— Вотъ, на примѣръ, появляются у насъ однажды двѣ дѣвицы, американскаго происхожденія. Мы, дескать, изъ Чикаго. Хорошо. Намѣрены посмотреть монастырь, побыть два дня. Совсѣмъ молоденькія, сестры, очень живы, расторопныя такія, всѣмъ интересуются. Покажи то, да покажи это. Въ церковь сейчасъ же отправились, приказали о. Борису въ половинѣ третьяго утра къ полунощницѣ въ дверь постучать, будить, значить. (Прежде то у насъ въ монастырѣ всѣмъ подрядъ въ третьемъ часу стучали, и даже произносили особыя слова: „Пѣнію время, молитвѣ часъ. Господи Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй насъ!“ — а теперь этого болѣе нѣтъ, лишь желающіе заказываютъ).

И на самомъ дѣлѣ, побѣжали. Да вообще . . . и къ ранней обѣднѣ, и къ поздней, все какъ православныя. Прошло два дня. Ъхать бы ужъ пора. Но въ послѣднюю минуту онѣ говорятъ: „Мы бы еще два денька остались“. Пожалуйста. Еще два дня прошло, онѣ въ удовольствіи, по скитамъ ходятъ, службъ не пропускаютъ . . . А можно, говорятъ, еще недѣльку у васъ прогостить? Разумѣется, молъ, очень рады. Онѣ еще недѣльку, тамъ еще . . . и никакъ ѡхать не могутъ. Да сколько прожили

чуть не три мѣсяца! Онѣ, дѣйствительно, оказались очень хорошей души барышнями. Такъ вошли въ жизнь духовную . . . знаете-ли, на службахъ прямо плачуть. Поклоны бьютъ, предъ святыней на полу простираются. Значить, доходило въ сердце. И по русски стали учиться. Мы, говорятъ, и раньше вашу страну очень высоко полагали и музыку вашу знаемъ, и вашихъ писателей, и даже немного въ Чикаго уроки русскаго брали, а теперъ прямо видимъ, это что то удивительное . . . Служба церковная, пѣніе . . . — а ужъ они по русски и говорить немножко стали, и понимаютъ. Къ схимникамъ ходили о вѣрѣ бесѣдовать. Смиреніе старичковъ нашихъ ихъ очень трогало, а особенно онѣ сошлись съ простыми нашими женщинами, служащими, прачками, вотъ вродѣ вашей Евфросиньюшки. Онѣ все говорили: „Это и есть настоящіе люди и настоящая жизнь. Онѣ у васъ тутъ всѣ праведницы, потому въ трудѣ и для ближняго, да для Бога живутъ“. Ну, это имъ по ихъ молодой горячности казалось, что праведники и праведницы всѣ . . . однако же . . .

О. Лука остановился, полузакрылъ глаза, потомъ открылъ ихъ. Важное, даже не безъ строгости выраженіе они имѣли.

— Однако же, монастырская жизнь и взаправду не забава. Онѣ это почувствовали. И настолько увлеклись, что даже опростились. Завели себѣ высокіе сапоги, платочками повязались, полушубки достали, и принялись съ нашими бабами работать. Да прямо, знаете, бѣлье стираютъ, въ трапезной посуду моютъ, одежду чинятъ. . .

— Вотъ вамъ и американцы, о. Лука.

— Кто же онъ такія?

Одна художница, а другая все пѣть на сценѣ хотѣла . . . пустое это она себѣ занятіе придумала. Обѣ здоровыя такія, сильныя, но воспріимчивыя дѣвушки.

. . . А почему уѣхали — (онѣ и вправду могли бы на зиму остаться), — да отецъ забеспокоился. Куда, дескать, пропали? Мы даже изъ Выборга отъ американскаго консула получили запросъ, что молъ съ такими-то дѣвицами, гдѣ онѣ тамъ у васъ? Тутъ онѣ уже и собрались, но куда-же поѣхали? Не то, чтобы домой, на родину, а прямымъ ходомъ въ Россію. Одинъ нашъ монахъ имъ рассказывалъ, что у него въ Ярославской губерніи родители и очень въ бѣдѣ живутъ, по крестьянскому дѣлу. Онѣ очень много съ нимъ разговаривали, онѣ ихъ и русскому языку учили. И вотъ имъ запало въ голову, не только что Россію посмотриѣть, но и у стариковъ этихъ побывать. Что-же вы думаете, вѣдь разыскали! Нагрянули къ нимъ неожиданно, дескать, поклонъ съ Валаама отъ сына привезли . . .

Мы всѣ трое разсмѣялись — представить себѣ только старыхъ ярославскихъ крестьянъ, къ которымъ вдругъ заявили американки!

— Видите, и не побоялись въ чужой странѣ, продолжалъ о. Лука. — Онѣ, конечно, вообще смѣлыя, рисковыя дѣвушки, что и говорить.

Двое сутокъ въ деревнѣ прожили, на полу спали, тутъ знаете, и куры, и теленокъ можетъ быть, ну, какъ у насъ въ крестьянствѣ. Онѣ подарковъ навезли, провіанта съ собой, одежды. И потомъ посылки изъ Москвы посылали. По душѣ то вѣдь очень добрыя.

О. Лука отпилъ глотокъ чаю. Помолчавъ минуту, продолжалъ:

— Которая художница, все меня рисовала, и теперь, слышно, мой портретъ на выставкѣ выставила . . .

Неизвѣстно, конечно, сколь-удачно написала о. Луку „рисковая дѣвушка“, но что онъ какъ-бы созданъ для портрета, иконы, это ясно, и даже средняго достоинства портретъ дастъ по немъ представление о духовной Россіи вѣка XVII-го — въ томъ вѣкѣ корни о. Луки.

— А знаете-ли гдѣ онъ, всетаки, сейчасъ? Опять въ Россіи. Только не однѣ. Ихъ теперь мамаша провождаетъ. Онъ черезъ Японію двинулись.

* * *

О. Лука сидѣлъ довольно долго, рассказывалъ степенно и неторопливо, съ той глубокой внутренней воспитанностью, которая для монаховъ типична. Потомъ всталъ, перекрестился, благословилъ насъ, ушелъ — все это медленно, изящно и значительно. И не удивишься, что такое впечатлѣніе — произвелъ онъ, да и другіе наши монахи, на „восприимчивыхъ“ барышень.

Утромъ мы встрѣтили его на обычномъ мѣстѣ, у входа въ гостиницу. Онъ былъ довольно оживленъ.

— Вотъ только что къ намъ американскій туристъ пріѣхалъ. И оказывается, ихній знакомый. Сейчасъ-же меня спросилъ. Черезъ переводчика нашего передалъ поклоны, и что дескать изъ Японіи и къ намъ заѣдутъ.

Въ лѣсахъ Валаама.

. . . Подъ вечеръ мы отправились въ пѣшеходное странствіе — одно изъ чудеснѣйшихъ занятій на островѣ.

„Пустынька о. Назарія“ недалеко отъ монастыря. Почти за самой гостиницей начинается дорога, проведенная игуменомъ Дамаскинымъ. Она обсажена теперь разросшимися пихтами и лиственницами. Идетъ сперва чрезъ небольшое поле, а затѣмъ вступаетъ въ лѣсъ — прямая, ровная, поражающая гладкостію своей, хоть бы для автомобилей Франціи. Но гдѣ найдете во Франціи такое „раствореніе воздуха“, благоуханіе, какъ въ лѣсахъ Валаама?

Пройдя съ версту вѣковымъ боромъ, все въ сопровожденіи голубовато-зеленой хвои аллея, приходишь къ странному, таинственному мѣсту: болѣе ста лѣтъ назадъ сюда уединялся игуменъ Назарій, духовный обновитель и возстановитель Валаама, „для молитвеннаго собесѣдованія съ Богомъ“.

Влѣво отъ дороги, въ лѣсу, и стоитъ каменный домикъ александровскихъ временъ. Очевидно, и тогда здѣсь было тихо и пустынно. Но теперь все приобрѣло еще особый отпечатокъ. Неутомимый Дамаскинъ построилъ небольшую церковь, завелъ клад-

бище, насадилъ питомникъ тѣхъ деревьевъ, которыхъ нѣтъ, или есть мало въ валаамскихъ лѣсахъ: кедры, пихты, лиственницы, тополя, дубы, липы, орѣхи, „разнородные благовонные кустарники“ . . . Деревья разрослись, и древняя келія Назарія осѣнена такою тьмой зеленой, что когда вступаешь сюда, кажется, что уже чуть не ночь. Если лѣсъ и ранѣе благоухаль, то тутъ попадаешь въ настой благовонія, особый воздухъ, соотвѣтствующій сумраку, тишинѣ и величію мѣста. Черный крестъ изъ гранита, трехаршинной вышины, встрѣчаетъ у келіи.

Никого! Самъ лучъ солнца вечерняго едва пробьется сквозь силу дуба, ели, кедра — все равно, ему не разогнать прозрачныхъ и благоуханныхъ сумерекъ. Земля темно-коричнева, усѣяна иглами, коегдѣ желуди, шишки. Подвигаемся къ церкви. Вокругъ нея кладбище — здѣсь упокоился самъ игумень Дамаскинъ.

Сквозь ворота колокольни, стоящей отдѣльно, выходимъ въ сторону озера. Стало свѣтлѣе. Тихій, золотистый вечеръ ясно чувствуется. Внизъ, направо видно въ лѣсу кладбище попроще, цѣлый рой крестовъ. Далѣе, на лужайкѣ, пасутся коровы.

Мы влѣзли на заборъ — деревенское наше „прясло“, сидѣли на верхней жерди у кола, смотрѣли на Ладогу, прямо передъ нами простершуюся, нѣжно-голубую, со свѣтлыми струями, съ туманнымъ, дальнимъ берегомъ — мягкая линія холмовъ. Тишина, пустынность. Та тишина и та пустынность, что даютъ особый, неизвѣстный въ другихъ мѣстахъ миръ. Это миръ благообразнаго и святого міра, раскинувшагося вокругъ, отблескъ зеркальности Ладоги, сумеречнаго

благоуханія пустыньки и всей безконечной ясности неба. Слабо позвякиваютъ колокольцы стада — кроткой нотой.

... Мы недолго засидѣлись, все же, на заборѣ. Хочется повидать келію схимонаха Николая.

Вновь проходимъ черезъ валаамское Campo Santo. По большой дорогѣ поднимаемся лѣсомъ въ горку — нѣкогда Александръ Благословенный задохнулся на ней, направляясь къ отшельнику.

Самую келію, крошечную, укрытую теперь деревяннымъ шатромъ-избою отъ непогоды и разрушенія, посѣтили мы въ смѣшанномъ чувствѣ тишины, почтительнаго благоговѣнія и поэзіи. Здѣсь сидѣлъ Александръ . . . — жилъ тутъ простѣйшій, скромнѣйшій Николай, молитвенникъ и труженикъ, воздѣлыватель огорода рядомъ, источникъ благоволенія ко всему. Какой былъ онъ? Навѣрно, такой же старичекъ, какихъ я видалъ здѣсь, да и на Афонѣ: та же привѣтливая и смиренная Святая Русь.

Гдѣ жилъ, тамъ невдали и похоронень. Могила тоже небогата, тоже осѣнена разросшимися елями. Подъ деревяннымъ навѣсомъ на столбикахъ, окруженнымъ рѣшеткою, простой деревянный гробъ, крестъ съ Распятіемъ. Колода изъѣдена временемъ. И весь безмолвный этотъ уголь въ вечерѣющемъ лѣсу, глубоко его молчаніи, такъ же неказисто-прекрасень, какъ былъ, навѣрно, самъ нерѣчистый трудникъ „здѣ почивающій“.

На Валаамѣ есть обычай у паломниковъ: отколупывать отъ этого гроба, пальцами и ногтями, щепочки. Кому удастся отколупнуть, та щепочка „помогаетъ отъ зубной боли“.

Дорога въ пустыньку.

Пустынька Игумена Назарія.

Келія схимонаха Николая.

Могила
с. Николая.

Кладбище
у
пустыньки.

Мы поклонились праведнику и взялись за дѣло. Не такъ легко, дерево хотя ветхое, а держится. Но все-таки отломили — очень немного, вродѣ большихъ занозъ. Не знаю ужъ какъ насчетъ зубовъ, но съ собою на чужбину увезли, какъ шишки Валаама, какъ горсточка его земли.

* * *

„Странствіе по святой землѣ“, такъ можно назвать дальнія прогулки по лѣсному острову. Мы опять вышли на дорогу и не торопясь, въ ритмѣ спокойномъ и облегченномъ, двинулись далѣе. Теперь аллея пихтъ и лиственницъ окончилась. Дорога стала проще, съ колеями, кой-гдѣ песокъ на изволокахъ, тетеревиная травка, брусника. Лѣсъ не такой ровный и великолѣпный — съ явными лысынами отъ бурь. И все диче, глуше . . . На одномъ поворотѣ, спускаясь въ ложбинку, встрѣтили фигуру въ подрясникѣ. Можно было подумать, что монахъ, но вблизи мы узнали его сразу и заулыбались другъ другу: кэмбриджскій студентъ-теологъ, англичанинъ чистѣйшій, застѣнчивый юноша, живущій въ гостиницѣ нашей. На всѣхъ службахъ, въ соборѣ ли наверху, или въ нижней церкви у раки Преподобныхъ — всюду мы его встрѣчали, какъ и съ русскимъ чайничкомъ въ коридорѣ гостиницы. Онъ живетъ на Валаамѣ ужъ недѣли три, одѣвается по-монашески, комнатка его вродѣ иконной лавки. Онъ усердно бьетъ поклоны, по своему требнику слѣдитъ за службой и мечтаетъ посѣтить въ Парижѣ Сергіево Подворье, Богословскій институтъ. А сейчасъ, съ котом-

кой, палкой, запыленный и вспотѣвшій, но веселый, радостный, возвращается изъ такого же странствія, какъ и мы.

На слабомъ нѣмецкомъ обмѣниваемся нѣсколькими словами съ англійскимъ юношей о русскихъ святыняхъ. Онъ былъ уже тамъ, куда мы идемъ, и родныя слуху нашему имена Сергій, Зосима и Савватій необходимо искажаются въ его нерусскомъ выговорѣ, пріобрѣтаютъ новый лишь оттѣнокъ. Мы расходимся. Онъ къ монастырю, мы дальше, вглубь лѣсовъ.

Долго идемъ прямою и пустынною дорогою. По сторонамъ, кое-гдѣ, сложены саженьями срубленныя дрова. А въ концѣ, какъ бы завершая длинный перегонъ, часовенка. Это и есть „Сергіусъ“ студента — Преп. Сергій Радонежскій.

Ястребокъ сидѣлъ на одной изъ двухъ елей, ровно осѣняющихъ часовню. Ели огромныя, прямыя. И не только кобчикъ, цѣлый глухарь въ нихъ укрылся бы. Маленькій же разбойникъ издали насъ увидѣлъ и снялся.

Поднимаемся на крылечко. Какъ всегда на Ва-лаамѣ, дверь не заперта. Часовня ветхая, среди многихъ, мною видѣнныхъ, одна изъ наиболѣе намоленныхъ, уютныхъ. И поставлена-то будто такъ, что вотъ идетъ паломникъ, длинною стрѣлой дороги, притомится . . . — тутъ и зайдетъ къ Сергію Радонежскому. Можетъ посидѣть на крыльцѣ на лавочкѣ, а потомъ — внутрь. Тамъ тоже есть скамейки, и подобіе иконостаса, разумѣется, икона Преподобнаго. Вотъ онъ святой Сергій! Болѣе десяти лѣтъ назадъ, въ глухомъ предмѣстьѣ парижскомъ, далъ онъ мнѣ

счастіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ погруженія въ его жизнь, въ далекіе вѣка родины, страждавшей отъ татаръ, усобицъ, униженій . . . — и надъ всей малой жизнью русскаго писателя внѣ родины, оплодотворяя, мѣняя ее, давая новые мотивы, стоялъ его обликъ. А теперь довелось и какъ бы „встрѣтить“ Преподобнаго . . . — въ дикомъ лѣсу, вродѣ того, гдѣ самъ онъ жилъ, на землѣ русской. Вѣдь къ такой, совсѣмъ къ такой часовенкѣ, гдѣ только что сидѣлъ, молился англичанинъ, вполне могли бы подходить медвѣди Радонежа, и сама эта часовенка мало чѣмъ отличается отъ первобытной „церквицы“ на Маковицѣ, которую собственноручно рубилъ св. Сергій. Да и весь крестьянскій, „трудническій“ и лѣсной духъ Валаама такъ близокъ духу Преподобнаго!

У иконы лежалъ акафистъ, напечатанный на картонѣ, съ ручкою, его удобно держать предъ собой. Прочитавъ его, приложившись къ иконѣ, мы тронулись далѣе.

„Поминай насъ чтущихъ пресвѣтлую память твою, да зовемъ ти: радуйся, Сергіе Богомудре“.

Идти было легко.

* * *

Въ одномъ мѣстѣ коровы цѣлымъ стадомъ вышли на дорогу, позвякивая колокольцами, преградили намъ путь. Жена испугалась было. Но мы прошли, конечно, безпрепятственно. Онѣ глядѣли на насъ удивленно прекрасными, стеклянно-бархатистыми глазами, выражавшими нѣкое коровье тупоуміе, но не злобу. Скоро осталось отъ нихъ только дальнее

позвякиваніе, а впереди, сквозь рѣдкіе стволы сосенъ и елей туманно стала сіять Ладога — мы подходили къ оконечности валаамскаго острова.

Добрались до коровника-фермы. Вышедшая изъ дома женщина указала дорожку. И мимо скотнаго двора, какихъ-то прачекъ, ожесточенно стиравшихъ, мы прошли къ большой часовнѣ, почти церкви, Савватія и Зосимы Соловецкихъ.

Здѣсь, сидя на крылечкѣ, можно любоваться вновь на серебристую Ладогу. Отдѣленный небольшимъ проливомъ, выступаетъ невдалекѣ, крутыми скалами, обрывающимися въ воду, такъ называемый Святой островъ — одно изъ замѣчательныхъ по красотѣ мѣстъ Валаама. Въ пятнадцатомъ столѣтіи тамъ жилъ св. Александръ Свирскій, позже основавшій собственный монастырь на южномъ берегу Ладоги.

Мы пробыли тутъ довольно долго. И сама часовня показалась намъ суровѣй и бѣднѣе Сергіевой (хотя она гораздо больше). Или ужъ подсказываетъ такъ воображеніе? Соловки? Крайній сѣверъ, океанъ Ледовитый?

Мнѣ все вспоминалась именно здѣсь картина, видѣнная у игумена, въ его покояхъ: зима на Валаамѣ, скалистый берегъ, какъ на Святомъ островѣ, хмурое озеро, полузамерзшее, ледяные сталактиты по берегу и рогатый олень. Закинулъ назадъ голову, смотритъ въ сумракъ и ночь Сѣвера.

* * *

Обратный путь нашъ былъ спокоенъ, безпрепятственъ. Лѣса въ обратномъ направленіи проходили

передъ нами, точно отраженіе въ зеркалѣ. Иногда новыя дороги отвѣтвлялись, но мы не сбились. Стадо уже ушло. Солнце подходило къ закату, въ лѣсу легла прозрачно-синеватая тѣнь. Мы никого не встрѣтили изъ людей. На одномъ перекресткѣ бѣлочка пробѣжала по землѣ у самой дороги, схоронилась въ кучу хвороста. Мы остановились. И она притулилась. Кто кого перемолчить? Мы стояли минуты двѣ. Она не выдержала и, шурша цѣпкими лапками, развѣвая хвостъ пушистый, вознеслась по соснѣ до высокой вѣтки. Тамъ ей покойнѣе. Но на всякій случай прячется за стволъ, только хвостъ вѣетъ оттуда, мордочку же высунула, и какъ блестятъ маленькіе, острые глазенки . . .

А потомъ и кончились лѣса. Мы были благодарны имъ, и жаль даже было расставаться. У монастырскихъ зданій бѣгали и хохотали молодые послушники — „кафтанники“, какъ ихъ зовутъ здѣсь. На фронтонѣ бѣлой гостиницы сіялъ еще послѣдній отблескъ заката. У подъѣзда подвода съ чемоданами только что пріѣхавшихъ гостей — пароходикъ привезъ ихъ изъ Сердоболя — и монахъ разгружаетъ ее. О. Лука, высокій, худой, съ мистическими темными глазами, окруженный переводчиками въ подрясникахъ, распредѣляетъ прибывшихъ по комнатамъ и раздаетъ ключи. Въ огромныхъ коридорахъ зажгли лампы. Евфросиньюшки, Авдотьюшки разносятъ по номерамъ щи, гороховый супъ, рисъ.

Мимо насъ, въ своемъ черномъ подрясникѣ, съ желтыми отворотами, держа въ рукахъ миску, проходитъ англійскій Алеша Карамазовъ.

Александръ на Валаамѣ.

Въ августѣ 1819 года игумень Иннокентій получилъ отъ министра духовныхъ дѣлъ Голицына письмо — на Валаамъ собирается государь, проѣздомъ изъ Архангельска. Не желаетъ никакихъ торжествъ и встрѣчъ. Ѣдетъ съ однимъ камердинеромъ, какъ обыкновенный путешественникъ. Такъ что не нужно ни колоколовъ, ни ризъ, ни крестовъ.

Иннокентій самъ былъ простой человѣкъ, изъ крестьянъ Олонецкой губерніи. Уже занимая большой постъ въ монастырѣ, на себѣ таскалъ кирпичъ для стройки и трудился на рыбныхъ ловляхъ. Навѣрно, и въ другихъ цѣнилъ простоту. Все таки императоръ Александръ, побѣдитель Наполеона, властелинъ Россіи и Европы въ видѣ „штатскаго“ человѣка съ камердинеромъ . . . — и принять его, какъ зауряднаго паломника, какого нибудь купца изъ Петербурга! Это казалось страннымъ. Поколебавшись, посоветовавшись между собой, рѣшили встрѣтить по настоящему.

Навстрѣчу государю въ Сердоболь выслали монастырское судно. Въ Сальму послали эконома Арсенія — тамъ стояло другое судно, и Арсеній дол-

женъ былъ везти Александра откуда тотъ пожелаетъ: изъ Сальмы или Сердоболя.

Александръ прибылъ въ Сальму поздно вечеромъ. Іеромонахъ Арсеній поднесъ ему на блюдѣ просфору съ вынутою частью. Императоръ подошелъ подъ благословеніе, поцѣловалъ Арсенію руку и сказалъ, что путь его — на Сердоболь. Подтвердилъ, что никакой встрѣчи не надо. Не желаетъ также, чтобы ему кланялись въ ноги и цѣловали руку.

Арсеній поскакалъ тотчасъ въ Сердоболь, пославъ нарочнаго въ обитель. А гость, какъ бы отклонявшій на этотъ разъ все, въ чемъ прожилъ жизнь, утромъ выѣхалъ вслѣдъ за нимъ.

Сумрачно было на Ладогѣ 10 августа 1819 года! Тучи, такой сильный вѣтеръ, такая волна, что государь въ Сердоболѣ спросилъ даже Арсенія, можно ли въ такую погоду выѣзжать? На что экономя отвѣтилъ: „и въ худшую плавали ваше величество, съ помощью Божіей“. Послѣднее соображеніе, можетъ быть, и опредѣлило все. Александръ съ экономомъ и камердинеромъ тронулись.

Въ монастырѣ же слѣдили за озеромъ и съ колокольни, и съ передового островка, гдѣ скитъ св. Николая (съ давнихъ поръ зажигался ночью въ часовнѣ фонарь — окна выходили во всѣ стороны и фонарь служилъ маякомъ). Но прошелъ день, вечеръ наступилъ, непогода не унималась, а судна все не было. Когда стало совсемъ темно, дозорные ушли, рѣшивъ, что сегодня никого уже не будетъ. И даже, совершивъ братское вечернее правило, легли спать.

Не въ укоръ имъ говорится дальнѣйшее — они не виноваты — но вышло какъ бы и по еван-

гельски: женихъ явился „во полунощи“, а свѣтиль-ники ихъ погасли. Его не встрѣтили.

Болѣе трехъ часовъ плылъ въ сумеркахъ, а потомъ и полной тьмѣ императоръ Александръ, и если бы не огонекъ св. Николая, покровителя мореходовъ, на пустынномъ островкѣ, то и неивѣстно, какъ бы ввелъ въ узкій проливъ іеромонахъ Арсеній своего високаго гостя.

Въ тишинѣ и мракѣ причалили. И лишь когда подымались наверхъ, по гранитной лѣстницѣ, въ монастырѣ узнали о пріѣздѣ. Зазвонили колокола; монахи спѣшно стали собираться. Шли во тьмѣ по монастырскому двору съ ручными фонариками. А гость стоялъ на церковномъ крыльцѣ. Подходили клиросные, въ алтарѣ облачали стараго Иннокентія, уже болѣе полувѣка трудившагося въ монастырѣ, а теперь полубольного (не могъ бы, какъ прежде, носить на себѣ кирпичи).

Александръ ждалъ покорно. Эти минуты, въ бурную валаамскую ночь на паперти передъ храмомъ, въ который не могъ онъ еще войти, были для него, вѣроятно, не совсѣмъ обычны.

Игумень Иннокентій, благочинный Дамаскинъ, эконоомъ Арсеній и другіе считали его высочайшимъ начальствомъ — монастырь, какъ и вся Россія, его „вотчина“. Заѣхалъ онъ къ нимъ, объѣзжая ее. Сперва властитель, а потомъ паломникъ — этого властелина встрѣтили не совсѣмъ удачно, и навѣрно, были смущены. Но императоръ держалъ себя не какъ начальство, не какъ ревизоръ. Онъ пріѣхалъ, дѣйствительно, богомольцемъ. Что принесъ съ собой

въ сердцѣ, уже столько пережившемъ? Мы не знаемъ. Но всего меньше можно думать, что свѣтъ и миръ — этого-то ему какъ разъ и не доставало.

* * *

Восемнадцать лѣтъ былъ уже Александръ императоромъ, не просто человѣкомъ, а существомъ — символомъ, воплощавшимъ Россію, мощь ея. Не такъ легко было снять одежду, къ нему приросшую. И по логикѣ жизни, „паломникъ“ долженъ былъ ждать, пока въ соборѣ „приготовляли“, и облачившійся Иннокентій, съ крестомъ, въ ризѣ, при открытыхъ царскихъ вратахъ, встрѣтилъ посреди храма императора. Люстры сіяли, хоръ пѣлъ многолѣтіе. Александръ приложился къ иконамъ, подошелъ подъ благословеніе къ игумену и по очереди ко всѣмъ іеромонахамъ, каждому цѣлуя руку. Себѣ же запретилъ кланяться земно.

Въ нижней церкви поклонился ракъ надъ мощами свв. Сергія и Германа, а потомъ пилъ чай у игумена, въ той же небольшой, но тихой и чистой квартиркѣ съ цвѣтами, сіяющими полами, маленькими окнами въ толстенныхъ стѣнахъ, гдѣ и теперь живетъ игумень, только теперь длинный рядъ портретовъ игуменскихъ, начиная съ Назарія, украшаютъ сосѣднюю съ гостиной комнату засѣданій монастырскаго совѣта.

За чаемъ Александръ съ игуменомъ сидѣли, „старшая братія“ стояли. Государь говорилъ, что давно собирался на Валаамъ, да задерживали дѣла. Разумѣется, спрашивалъ обо всемъ, касавшемся

монастыря. Разумѣется, и никакъ не могъ перестать быть императоромъ, хотя видимо этого хотѣлъ.

Послѣ чая его отвели въ царскіе покои, надъ Святыми вратами, во внѣшнемъ четырехугольникѣ монастыря. Вѣроятно, какъ теперь, и тогда подъ окнами были густолиственные деревья, мрачно они шумѣли, какъ и въ ту ночь, страшную и роковую, что принесла ему раннюю корону.

Хорошо или плохо спалъ императоръ въ царскихъ покояхъ предъ пустыннымъ суровымъ пейзажемъ Валаама, рядомъ съ храмомъ апостоловъ Петра и Павла, мы не знаемъ. Но уже въ два часа ночи онъ былъ у дверей собора — пономарь едва успѣлъ отворить ихъ. Очевидно, такъ рано его не ждали, и всталъ онъ самъ, его не будили, иначе все было бы уже приготовлено, пономарю незачѣмъ было бы спѣшить. Три-четыре часа отдыха послѣ дальней дороги не такъ ужъ много . . . И не говоритъ ли это скорѣе за то, что и самъ отдыхъ не такъ ужъ былъ безмятеженъ?

Александръ отстоялъ утреню въ соборѣ, раннюю обѣдню въ церкви Петра и Павла, потомъ осматривалъ монастырь и пѣшкомъ отправился по пустынькамъ въ лѣсахъ.

Современный валаамскій паломникъ можетъ восстановить путь императора. Теперь къ „пустынной келіи“ покойнаго схимонаха Николая проведена прекрасная дорога, обсаженная пихтами и лиственницами. Тогда въ такомъ видѣ ея не было. Государь шелъ пѣшкомъ, подымаясь на изволокъ, слегка задохнулся.

— „Всходя на гору, всегда чувствую одышку“, сказалъ благочинному Дамаскину, сопровождавшему

его. — „Еще при покойномъ императорѣ я разстроилъ себя, бѣгая по восемнадцати разъ съ верхняго этажа внизъ по лѣстницѣ“.

Но, несмотря на одышку, къ Николаю дошелъ.

Этотъ схимонахъ Николай былъ прежде келейникомъ знаменитаго игумена Назарія, духовнаго возстановителя Валаама. Назарій ввелъ его на духовный путь, и онъ поселился отдѣльно, въ тѣсной лѣсной келіи, три аршина на три. „Жизнь его протекла въ трудахъ и непрестанной молитвѣ“. Вотъ и все, что мы о немъ знаемъ. Но и сейчасъ видимъ крохотную келійку, подлинно избушку на курьихъ ножкахъ, гдѣ обиталъ добрый духъ въ видѣ старичка Николая. Теперь надъ келійкой деревянный шатеръ, какъ бы футляръ-изба, защита отъ непогоды и стремленіе дольше сохранить первоначальное.

Какъ ни убого обиталъ, однако, добрый духъ, именно къ нему то и пришелъ Александръ несмотря на одышку и на то, что по дорогѣ пришлось чуть не ползкомъ пролѣзть подъ какую-то изгородь. Побѣдитель Наполеона, умиротворитель Европы, въѣзжавшій съ триумфомъ въ Парижъ, сгибался вдвое, чтобы войти въ хижину смиреннаго Николая (Дверь эта, дѣйствительно, скорѣе дыра, чѣмъ дверь). И вотъ все-таки вошелъ. Сидѣлъ на деревянной табуреткѣ у того самага столика, что и сейчасъ стоитъ въ келіи, и при такомъ же блѣдномъ и уныломъ свѣтѣ изъ оконца игрушечнаго разговаривалъ съ Николаемъ о духовной и аскетической жизни. Мало это походило на Тильзитъ или на засѣданія Вѣнскаго конгресса.

Отшельникъ предложилъ ему три рѣпки со своего

огорода, своими руками выращенная, — все, чѣмъ могъ угостить. Александръ взялъ одну изъ нихъ. Она была нечищенная. Благочинный Дамаскинъ, стоявшій рядомъ, спросилъ ножъ, чтобы очистить. Александръ сказалъ:

— „Не надо. Я солдатъ, и съѣмъ ее по-солдатски“.

И зубами началъ отдирать кожурку. На прощаніе же поцѣловалъ Николаю руку и просилъ благословенія и молитвъ.

* * *

Вернувшись въ монастырь, государь снова пилъ чай въ игуменскихъ покояхъ. Его угощали фруктами изъ знаменитаго, и сейчасъ существующаго монастырскаго сада, вполнѣ похожаго на Эдемъ. Александръ ѣлъ крыжовникъ и малину (нынѣ замѣчательна красная смородина). А потомъ ему поднесли описаніе монастыря и — жизнь есть жизнь — кое о чемъ практическомъ попросили: о прибавкѣ къ больничному штату пятнадцати человѣкъ, о подворьѣ въ Петербургѣ. Онъ обѣщалъ все исполнить.

Послѣ полудня возили его въ шлюпкѣ по скитамъ, и Александръ любовался красотой водъ, лѣсовъ и гранитовъ валаамскихъ. А вернувшись, отстоялъ малую вечерню и правило. Позже вышелъ и ко всенощной. Помѣстился у столба, во время поученія сидѣлъ на скамьѣ съ братіей, какъ полагается. Старый, слѣпой монахъ Симонъ тронулъ рукой сидѣвшаго съ нимъ рядомъ государя и спросилъ тихонько: „кто сидитъ со мной?“ Александръ отвѣтилъ:

— „Путешественникъ“.

А на другой день, на ранней обѣднѣ, начавшейся, какъ и теперь, въ пять часовъ утра, стоялъ рядомъ съ пустынножителемъ Никономъ, глубокимъ старикомъ, опиравшимся на костыль и такъ выстаивавшимъ долгія службы. Отъ усталости въ этотъ разъ Никонъ выпустилъ костыль, поскользнулся и упалъ — Александръ поднялъ его и усадилъ на скамью.

По окончаніи же литургіи, на напутственномъ молебнѣ преп. Сергію и Герману, когда вынесли Евангеліе, государь сталъ на колѣни. Иннокентій положилъ ему на голову руку, и, держа сверху Евангеліе, читалъ тѣ самыя слова, за которыми и плылъ сюда въ бурную ночь Александръ Благословенный, онъ же грѣшная и мятущаяся христіанская душа, ищущая успокоенія:

— „Научитесь отъ Мене, яко кротокъ есмь и смиренъ сердцемъ, и обрящете покой душамъ вашимъ“ . . .

* * *

„Путешественника“ провожали по-царски. Звонили во всѣ колокола. Клиросные шли къ пристани впереди, пѣли тропарь и догматикъ. За ними братія и государь съ игуменомъ. Медленно отваливало судно, медленно шло проливомъ подъ гудѣніе колоколовъ. А пѣніе сопровождало путешественника и на Ладогѣ: по его просьбѣ, пѣли монахи хоромъ Спаси Господи, Херувимскую и другія пѣснопѣнія.

Путешественникъ никогда болѣе не увидѣлъ Валаама. Политикъ и дипломатъ, военачальникъ, ку-

миръ офицеровъ, чарователь дамъ, освободитель Россіи, черезъ грѣхъ взошедшій на престолъ, началъ послѣдніе годы своей жизни. Извѣстная легенда говоритъ, что онъ ушелъ въ заволжскіе лѣса подъ именемъ старца Федора Кузьмича. Вѣрить легендѣ или нѣтъ, все пребываніе Александра на Валаамѣ есть какъ бы первый шагъ, не всегда удававшійся но первый опытъ новой жизни, внѣ короны и скипетра. Если ушелъ, тогда все цѣльно и ясно. Если не ушелъ, не успѣлъ, какъ долго не могъ собраться и на Валаамъ, то по складу души своей и поведенію въ послѣдніе годы могъ уйти: страннику, какимъ видимъ мы его на Валаамѣ, неудивительно продолжить странствіе свое. И не напрасно въ храмѣ, надъ его головой звучалъ голосъ престарѣлаго Иннокентія, читавшаго вѣчныя слова вѣчной книги:

„Научитесь отъ Мене яко кротокъ есмь и смиренъ сердцемъ и обрящете покой душамъ вашимъ“.

Ночное странствіе.

...День выдался полный. Встали рано. Ъздили вдаль на Святой островъ, вечеромъ были въ Соборѣ у всенощной. Очень устали. Знаю это настроеніе и по Афону: передъ серьезнымъ временный упадокъ, нервность... Но уже все сговорено, налажено, отступать поздно.

Забѣжалъ Михаилъ Алексѣевичъ.

— Значить, ѣдемъ? Не передумали? — Отлично.

О. Лука далъ ему ключъ отъ лодки и отъ двери гостиницы.

— Только не опаздывайте. Ну, да въ четверть второго я вамъ постучу.

Мы легли въ десять. Пружины матрасовъ кольчатыхъ исполняли тихую музыку каждый разъ, какъ переворачивался. Но мы успѣли заснуть и успѣли проснуться — не пришлось подымать насъ. Ровно въ два въ темномъ вестибюлѣ встрѣтились со спутниками. Черезъ минуту были ужъ подъ открытымъ небомъ.

— Не можете себѣ представить, говорилъ намъ еще раньше о. Лука: какая прелесть у насъ на Ва-лаамѣ весной. Выйдешь въ третьемъ часу къ утренѣ, свѣтаетъ, соловьи какіе, и сколько всякихъ птицъ

заливается передъ восходомъ солнца, это удивительно. Красота міра Божьяго... А какіе ароматы!

Сейчасъ конецъ лѣта. Ни бѣлыхъ ночей, ни соловьевъ нѣтъ. Просто настоящая ночь, тишина, звѣзды, сырая дорога внизъ къ пристани, въ освѣщеніи огромныхъ деревьевъ. Только слѣва чуть блѣднѣетъ край неба, надъ лѣсами Валаама. Никого! Къ тремъ часамъ стануть собираться въ Соборъ, но сейчасъ время еще сна, даже для монаховъ.

Мы спускаемся, разговаривая негромко — точно предпріятіе наше тайное... — или вообще такъ тихъ этотъ послѣдній часъ ночи сѣверной, что неудобно его тревожить?

Трава у пристани вся мокрая. Михаилъ Алексѣевичъ со Свѣтикомъ углубляются въ нѣкій монастырскій докъ, гдѣ хранится мелкая флотилія: лодки, моторъ малый, большой. Оттуда они спускаютъ на воду нашу ладью, я подхватываю ее у пристани. Жены слегка подрагиваютъ въ холодкѣ ночномъ, на пристани, сѣдой отъ росы. Тихо, но оживленно разговариваютъ.

Мы садимся, отваливаемъ.

За рулемъ Свѣтикъ въ своей гимназической кэпкѣ, на веслахъ мы съ Михаиломъ Алексѣевичемъ. Могу ли я вспомнить, когда гребъ въ послѣдній разъ, вотъ такъ на обыкновенной русской лодкѣ, по русскому озеру? Надо отсчитать столько лѣтъ назадъ, что жутко становится. Но крѣпко въ насъ сидитъ давнее, и сейчасъ, на веслахъ этихъ, чувствую себя обычно, такъ и полагается, и все это я знаю, все во мнѣ.

Пристань, взгорье въ зелени, громада Собора

надъ нею отодвинулись отъ насъ, отдѣлились пестро-серебристою путаницей мелкихъ стеклянныхъ дугъ и змѣй, всколебленныхъ лодкой. А впереди полный покой, нѣжный отблескъ звѣзды утренней въ серебрѣ воды, кисейка тумана. Да, какъ сказалъ о. Лука: „Красота міра Божьяго“ ...

У часовни Богоматери Владимірской мостъ перекинутъ черезъ горло озера, подъ этимъ мостомъ надо проходить. Помню его еще съ поѣздки на моторѣ съ о. игуменомъ, тотъ самый мостъ, предъ которымъ трубиль въ свой рогъ о. Рафаиль. Мы не трубимъ — и не во что и незачѣмъ: кто попадетъся намъ навстрѣчу въ этотъ тихій часъ! Мы разгоняемъ лодку, складываемъ весла. Оборачиваюсь. Темный сводъ моста зеркально опрокинутъ въ воду и замкнулся темнымъ кругомъ въ ней, въ этотъ кругъ, какъ лошадь въ циркѣ, прорывая его, влетаетъ наша ладья. Нѣсколько мгновений въ темнотѣ, а потомъ вновь озеро, лужайки справа, камыши у береговъ и лѣсъ, лѣсъ. Вотъ такъ тишина! Лишь шуршитъ лодка, вода мягко булькаетъ, да весла наши постукиваютъ въ уключинахъ, на концахъ своихъ плещутъ. Лѣса такъ же отобразились въ водѣ, какъ темный сводъ: тѣ же лѣса, только внизъ макушками.

Мы гребемъ спокойно, ровно. Всѣ молчатъ. Проходимъ мимо Смоленскаго скита. Лодочка схимонаха Ефрема покачивается въ осокѣ. И сейчасъ такъ же какъ мы, съ другого конца Валаамскаго острова, гребетъ на такой же скорлупкѣ схи-игумень Феодоръ, старецъ, котораго мы посѣщали: держать путь, какъ и мы, на Коневскій скитъ, къ о. Николаю. Тамъ будетъ служить литургію, въ маленькой скит-

ской церкви. Тамъ будетъ насъ исповѣдывать и причащать — для того и плывемъ ни свѣтъ, ни заря.

...Лѣса, лѣса. То совсѣмъ близко подходя къ водѣ, то выстраиваясь на скалистыхъ, красноватыхъ обрывахъ, — а все сосны тѣ же, заповѣдныя валаамскія. И такъ же глядятся въ озеро. Звѣзды блѣднѣе. Пролетѣли двѣ утки — рѣзвымъ, острымъ полетомъ. У маленькой пристани мы причалили.

* * *

Въ четырнадцатомъ вѣкѣ нѣкій монахъ Арсеній пробрался съ иконою Богоматери съ Афона въ Новгородъ и оттуда на Валаамъ ... (Подумать только, что это было за путешествіе! Но вотъ являются же люди, которымъ все нипочемъ). Арсеній пожилъ на Валаамѣ и двинулся далѣе. Сѣлъ въ лодку, взялъ икону свою и поплылъ по Ладогѣ. Въ нѣсколькихъ десяткахъ верстъ отъ Валаама присталъ къ дикому островку, тамъ и поселился. Все тогда вокругъ было еще языческое. И на островѣ совершались жертвоприношенія — на огромномъ камнѣ закалывали коней. Арсеній со своею иконою все это одолѣлъ. Возникъ тамъ монастырь съ братіей, прекратились жертвоприношенія. И названіе островъ получилъ отъ того монастыря — Коневецъ. Арсеній же умеръ, перешелъ въ исторію какъ святой Арсеній Коневскій. Монастырь, имъ основанный, существуетъ и понынѣ.

Въ честь иконы, доведшей Арсенія съ Афона до Коневца, „Богоматери Коневскія“, и сооруженъ скитъ на Валаамѣ.

...Михаиль Алексѣевичъ запираетъ лодку на

ключъ, мы входимъ въ лѣсъ. Уже около трехъ, по-прежнему полутемно, а здѣсь, средь черныхъ елей вовсе тьма. По землѣ все засыпано сухою хвоей, межъ стволовъ съ корявыми корнями тропка — совершеннѣйшая сказка. Не хватаетъ папоротника да избушки. Но у озерца, внутренняго, узкаго, становится немножко посвѣтлѣй. Мы идемъ берегомъ. Березы кое гдѣ бѣлѣютъ. Листики на водѣ недвижны, а вода темностальная, изъ нея опять лѣсъ смотреть, перевернутый.

Идти недалеко, до моста на ту сторону. Вступаемъ на него. Справа опять озерцо, пошире, просторнѣй. Передъ нами, на подъемѣ, въ сѣрѣющемъ сумракѣ, едва тронутымъ прозеленью, небольшая лѣсная церковь. Направо домикъ о. Николая. Это и есть Коневскій скитъ.

О. Феодоръ, высокій, крѣпкій старикъ за семьдесятъ, уже здѣсь, раньше насъ доплылъ со своего островка. Худенькій, тихій о. Николай, небыстрый, легкій въ движеніяхъ, добрый духъ мѣстности этой, зажигаетъ въ церкви у иконъ свѣчи, налаживаетъ кадило... ему тоже за семьдесятъ.

Начинается исповѣдь. О. Николай выходитъ, въ церкви одинъ о. Феодоръ. А мы — кто на скамеечкѣ предъ озеромъ, кто на церковномъ крыльцѣ, кто взадъ-впередъ ходитъ по дорожкѣ, дожидаясь очереди. По одному подходимъ къ аналою о. Феодора. Забудемъ ли когда это утро, сумракъ, росу, стекло озера съ отраженьемъ Юпитера, пустоту слабо освѣщенной церкви, Евангеліе, епитрахиль о. Феодора, душную теплоту подъ нею и сверху мощный, какъ

благословенный громъ, разрѣшительный возгласъ — электрически сотрясающій.

Потомъ началась литургія. Много вѣковъ назадъ, въ церковкѣ еще попроще, въ ризахъ много скуднѣйшихъ, но въ чемъ то и сходственно, служили литургію на Маковицѣ, близъ Радонежа. Къ той, какъ и къ этой, могли бы, кромѣ людей, выходить изъ лѣсовъ смиренные звѣри, ждаты у церкви.

Служенія этого тоже не забудешь, — маленькая, съ голубоватымъ иконостасомъ въ бѣлой съ позолотой рѣзбѣ церковъ, въ полумракѣ, съ нѣсколькими лишь свѣчами у образовъ, о. Феодоръ съ доброю силой новозавѣтнаго Саваоѳа во всемъ существѣ. Тонкій и тихій, старенькій ангелъ Николай на клиросѣ, небольшимъ но вѣрнымъ голосомъ исполняющій пѣснопѣнія...

Къ причастію въ церкви стало свѣтлѣе. Когда литургія окончилась, мы прикладывались къ иконамъ — вотъ она, съ лѣвой стороны, Богоматерь Коневская съ Младенцемъ: на рукѣ Его два голубка, побѣдители дикихъ конеубійцъ. (Лишь на этой иконѣ Спаситель и изображенъ съ голубками).

Выходимъ изъ церкви. Уже разсвѣло. Звѣрей нѣтъ, но птицы поютъ свое, все полно утренняго торжества, славы, радости. Вотъ вотъ встанетъ солнце. Лѣса въ дымкѣ, озеро курится у береговъ нѣжнымъ, розоватымъ туманомъ. Роса, роса... Воздухъ — кристалль. Юпитера уже не видно.

О. Николай подошелъ, поздравилъ съ принятіемъ св. Тайнъ и сказалъ негромко, улыбаясь:

— А теперь ко мнѣ, милости прошу, чайку откушать...

Михаилъ Алексѣевичъ сталъ было сопротивляться — мы стѣснимъ, да хлопоты . . .
Безполезно.

* * *

Жилье о. Николая совсѣмъ недалеко отъ церкви — обыкновенная русская изба на берегу озера. Сѣни, двѣ комнатки, очень свѣтлыя, большая печь. Хотя онъ схимникъ, но никакого гроба. И вообще, ничего подчеркнутаго, нарочитаго (Не очень вяжется съ нимъ и мрачное схимническое облаченіе — черная мантия, куколь. Бѣлымъ расшитыя кости, черепъ, тексты св. Писанія — я не видалъ его въ этой одеждѣ).

Мы сѣли у стола. Въ углу иконы, въ окнѣ озеро, съ каждой минутой все свѣтлѣющее. О. Николай, въ сѣренькомъ своемъ подрясникѣ, возится съ самоваромъ. О. Феодоръ грузно сѣлъ за столъ.

— На это-то на озеро, миленькіе мои, въ прежнія времена прилетали птицы, весною пара гагаръ, и гнѣздо вили прямо на камнѣ, недалеко отъ моста. Выведутъ двоихъ птенцовъ, а осенью вчетверомъ и улетятъ — Богъ знаетъ куда. Но на слѣдующій годъ опять пара, и на томъ-же гнѣздѣ сидятъ . . . Тварь это мѣсто любить, и не боится.

О. Николай внесъ довольно большой самоваръ.

— Вотъ о. Николай ужъ навѣрно съ ними былъ знакомъ.

О. Николай поставилъ самоваръ клубящійся на столъ, большими, кроткими своими глазами посмотрѣлъ на о. Феодора.

— Гагарочекъ-то? — Нѣ-ѣ... не видалъ. Это давно было. Раньше меня.

И принялся разливать чай. Старческими, заскорузлыми руками подавалъ каждому стаканъ, слегка кланяясь и улыбаясь. О. Феодоръ былъ нынче нѣсколько грустенъ. Видимо, ему нездоровилось, но всетаки, по дѣятельной, жизненной натурѣ, разговоръ велъ за чаемъ онъ, попивая съ блюдечка, дуя, отгрызая кусочки сахара.

— Сегодня-то хорошо, миленькіе, говорилъ своей скороговоркой: лѣто. Хоть и рано поднялся, а плыть было способно, все вижу. Ну, а прошлой зимой такъ чуть не пропалъ... Знаете, ледъ у меня въ проливчикѣ взломало, а мнѣ подъ вечеръ надо въ монастырь. Вышелъ на проливъ, сначала будто видно, а то и вовсе стемнѣло, или ужъ это глаза плохо видятъ, да и заметать начало. Дорожка знакомая, метелица теплая, чуть что не мокрая, иду, иду... ничевошеньки не вижу. Все заносить, замечаетъ, глядь, тропки и вовсе нѣтъ... тьма вокругъ, вѣтеръ, снѣгъ. Знаю, тутъ гдѣ-то полынья должна быть, и всетаки тычусь, то вправо, то влево... что-же сказать: прямо сбился! Не могу ужъ и сообразить, гдѣ мой островокъ. И разъ даже ногой такъ щупаю — вотъ онъ самый край льда, чуть въ воду не угодилъ. Тутъ ужъ не токмо къ монастырю, домой бы добраться, гдѣ и келья не знаю... Сталъ Николаю Угоднику молитву читать... а всетаки страшно мнѣ было тогда, прямо скажу... ну, такъ-то вотъ въ темную ночь, да одному въ оттепель утонуть.

Онъ вздохнулъ. О. Николай сидѣлъ на краешкѣ лавки, какъ будто стѣсняясь.

Михаиль Алексѣичъ отодвинулся совсѣмъ подъ иконы.

— Да вы какъ слѣдуетъ, о. Николай. А то ужъ вы такой смиренный... сказала жена Михаила Алексевича.

О. Николай посмотрѣлъ на нее.

— Я-то смиренный? Я даже очень гордый.

Всѣ улыбнулись.

О. Феодоръ продолжалъ:

— И насилу-насилу домой доскребся. Бога возблагодарилъ. Да... на другой день посмотрѣлъ, вѣдь вотъ по самому краю полыньи этой шель, прямо на вершочекъ отъ смерти. Что-же подѣлать, смерть ужъ есть смерть... такъ видно человѣкъ устроенъ. И лѣтъ сколько, и знаешь ужъ что скоро, а все же таки...

— Скоро или не скоро, о томъ и ангелы небесные не знаютъ, сказалъ тихо о. Николай.

Онъ вообще мало говорилъ. Смотрѣлъ, кто допилъ чай, тихо и ласково предлагалъ еще. Потомъ сидѣлъ молча, на фонѣ окна, фонѣ озера, такъ къ нему подходившаго, все свѣтлѣвшаго, окаймленнаго лѣсами, по верхушкамъ которыхъ ярко блистало теперь солнце.

Когда зашелъ разговоръ о любви и трудности любить людей, о. Николай вставилъ коротко:

— Молиться-то легко, а любить всего труднѣе.

И подошелъ къ Свѣтику, погладилъ по головѣ, предложилъ третій стаканъ съ такою привѣтливостью, что трудно было повѣрить, чтобы этому сквозному старичку трудно было любить, какъ и невозможно представить себѣ, чтобы онъ былъ гордецъ.

Въ разговорѣ объ отношеніи къ врагамъ вставилъ тоже недлинную фразу:

— За нихъ нельзя какъ за враговъ молиться. Горячихъ углей на голову насыплешь. Надо какъ за друзей.

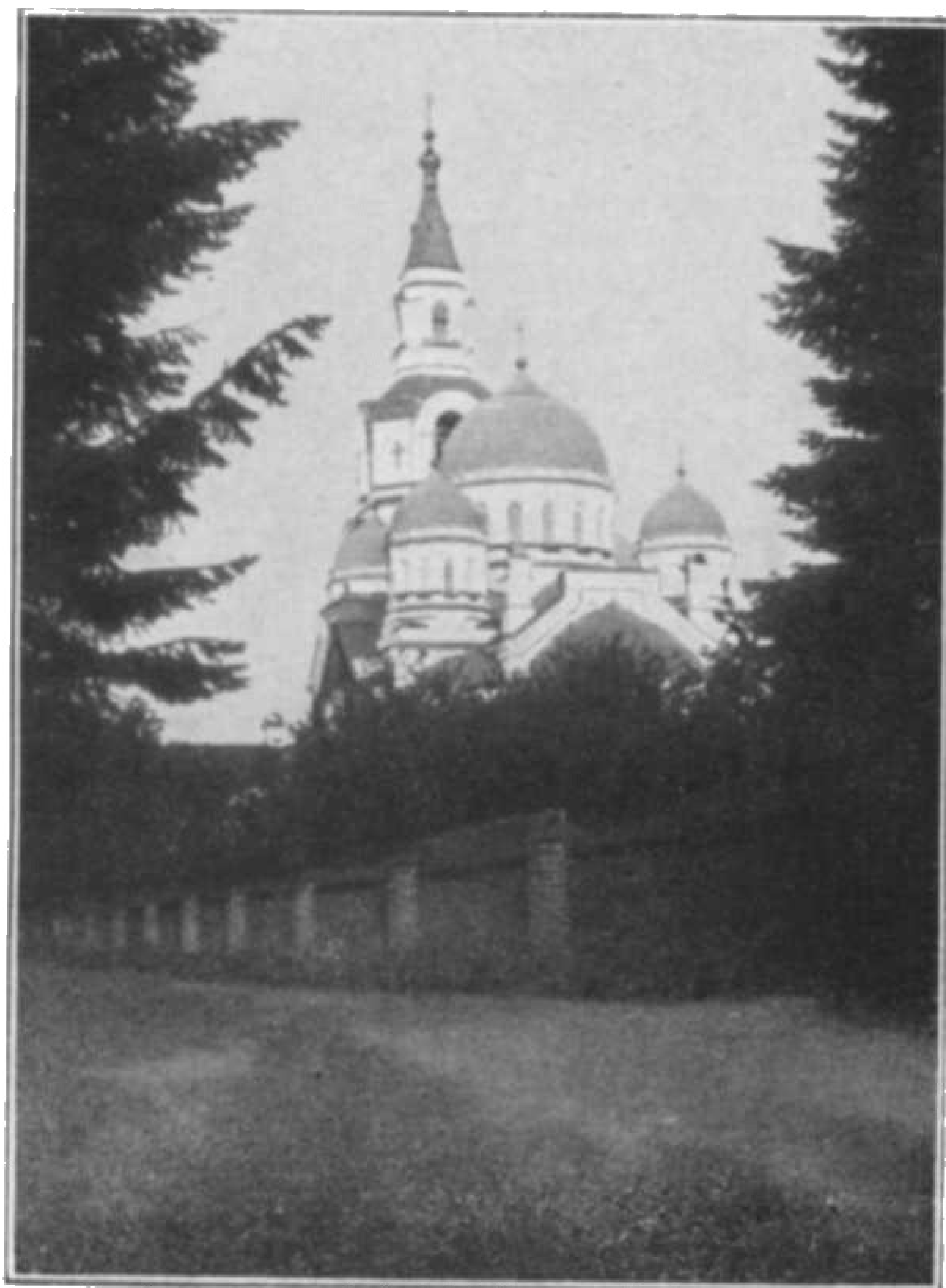
* * *

Было часовъ около шести, когда мы распрощались. О. Николай все кивалъ намъ и улыбался. Съ о. Феодоромъ мы перешли вмѣстѣ мостикъ, онъ взялъ налѣво, мимо пустыньки о. Дамаскина, мы вправо, въ полномъ золотѣ утра, къ своей прикованной у пристани ладѣ. Вотъ она, безсонная ночь! Никакой усталости — радость.

Снова мы съ Михаиломъ Алексѣичемъ на веслахъ, Свѣтикъ за рулемъ, жены на скамеечкѣ за нами. Озеро все стеклянное, по утреннему курится.

— Будто сейчасъ закипитъ, сказалъ Свѣтикъ.

Плавный, легкій ходъ, шуршанье, постукиванье уключинъ. Въ монастырѣ зазвонили къ Достойной.

Соборъ Преображенія Господня.

Церковь Коневского скита.

Часовня Преп. Серафима Саровскаго.

Никольскій скитъ.

Никольскій скитъ.

— Дойдете до пролива, тамъ на берегу било висить. Постучите въ него, съ островка о. Милій выѣдетъ, на лодкѣ. А иначе къ нему и не пробраться.

Съ утра накрапывалъ дождичекъ, тихій, не предвѣщавшій непогоды. Къ завтраку пересталъ. Было тепло, на небѣ сизыя облака. Въ третьемъ часу, лѣсомъ, мимо мокрыхъ папоротниковъ, лопуховъ, мимо жилья финскихъ солдатъ спустились мы къ озеру, дошли до каменистаго берега. Вотъ оно и „било“ — небольшая желѣзная доска, подвѣшенная на столбѣ. Сзади насъ главный островъ Валаамскій, передъ глазами проливъ и островокъ съ Никольскимъ скитомъ — небольшой, плавно-возвышенный, въ соснахъ, изъ которыхъ подымается бѣлый съ золотою главой храмъ св. Николая Мирликійскаго.

Звукъ била рѣзокъ, пронзителенъ. „Бейте сильнѣе“, говорили въ монастырѣ. „И ждите. Если о. Милій куда и отлучился, всетаки услышитъ“.

Мы нѣсколько разъ ударили, не очень сильно. Приготовившись ждать, сѣли на берегу. Но ждать почти и не пришлось. На островкѣ что то зашевелилось, небольшой сѣрый червячекъ сползъ къ водѣ,

потомъ лодка двинулась въ направленіи къ намъ. По мѣрѣ того, какъ подходила, яснѣе стала въ ней фигура въ скуфейкѣ, сѣромъ подрясникѣ.

О. Милій оказался довольно худенькимъ и несильнымъ монахомъ, полусѣдымъ, съ мелкими чертами простонароднаго лица, маленькими глазками, тоже сѣрыми, глядѣвшими спокойно, не безъ равнодушія. Мы поздоровались съ нимъ, и онъ съ нами — съ такимъ видомъ, что вотъ онъ путниковъ такихъ каждый день возить, и всѣ одинаковые, плохого не сдѣлаютъ, а просто мелькнутъ на минутку, и конецъ -- вновь куда то исчезнутъ.

Онъ гребъ спокойно, ровно, на озерѣ чувствовалъ себя, какъ дома. Мы подплывали. Кромѣ церкви ясно виденъ былъ теперь большой бѣлый домъ, двухъэтажный.

— Тутъ братіи раньше порядочно жило, — сказалъ о. Милій, указывая на него. — А теперь я одинъ.

— Совсѣмъ одинъ? На всемъ островѣ? — спросила моя жена. — Вамъ не страшно?

Онъ посмотрѣлъ на нее маленькими своими глазками, какъ бы съ удивленіемъ, точно на ребенка.

— А, конечно, одинъ. Чего страшно? Ничего не страшно. Вечеромъ зажгу маякъ, да помолюсь, да лягу. Вотъ тебѣ и страшно.

Мы сошли на берегъ. Медленно, подымаясь по дорожкѣ, направлялись къ церкви. О. Милій, въ лодкѣ казавшійся немного пасмурнымъ, оживился.

— Эта у меня церква хорошая, — говорилъ, отпирая ключемъ дверь. — Она даже прямо какъ слѣдоватъ строена. Купецъ денегъ далъ, Солодовниковъ.

Хорошо. Чисто, тихо. Вонъ, иконы то какія! И на стѣнахъ писали, трудились. Тутъ тебѣ, въ кумполѣ Нерукотворный Спасъ, тамъ Андрей Первозванный, онъ тутъ у насъ былъ вѣдь на островѣ . . . все въ порядкѣ. Разумѣется дѣло, Царица Небесная . . .

О. Милій въ храмѣ чувствовалъ себя совсѣмъ дома. Для насъ храмъ этотъ чужой и пусть, а для него наполненъ святыми добрыми существами, среди которыхъ протекаетъ одинокая его жизнь. Онъ относится къ нимъ благоговѣнно, но просто, какъ къ знакомцамъ высшаго міра. Ап. Андрей первый водрузилъ крестъ на скалахъ Валаама — значитъ, онъ для о. Миліа тоже родной, свой, валаамскій. А что это могло произойти чуть не двѣ тысячи лѣтъ назадъ, для него значенія не имѣетъ: точно вчера. Но главный покровитель, конечно, св. Николай.

О. Милій подвелъ насъ къ образу Святителя и потомъ вдругъ отворилъ его. За иконою оказалась ниша, въ ней рѣзное, деревянное и, какъ бы по католически раскрашенное изображеніе св. Николая: онъ въ митрѣ, въ одной рукѣ держитъ мечъ, въ другой церковь.

— Вонъ какой! — говорилъ о. Милій. — Мечъ то, въ рукѣ, гляди . . . Потому защитникъ церкви. Тамъ на Соборѣ Арій очень бунтовался. Ну, онъ ему прямо даже по уху далъ. Это, молъ, ересь. Видишь, съ мечемъ-то съ небольшимъ, но ужъ какъ праведникъ, такъ за святую церковь горой . . . Да, онъ ужъ такой былъ.

О. Милій покачалъ головой и почти съ восхищеніемъ, но и очень серьезно смотрѣлъ на Святителя.

Вполнѣ можно было повѣрить, что онъ его зналъ лично.

— А откуда же у васъ тутъ эта статуя, о. Милій?

— Не могу знать. Давнее дѣло. Это, болѣе ста лѣтъ. Говорятъ, волнами ладожскими прибило, монахи нашли, еще во-о когда, при царѣ при Александрѣ Первомъ.

Онъ закрылъ опять иконою статую въ нишѣ, сталъ показывать изображенія на стѣнахъ чудесъ Святителя.

— Патріархъ былъ Афанасій . . . понятное дѣло, хоть и патріархъ, а что-жъ тутъ подѣлаешь, тоже не безъ грѣха. Скуповать, значить. Николай-то, Угодникъ-то, его предупреждаетъ: ты, молъ, не скупись, нехорошо! А тотъ безъ вниманія. И молебновъ не служить, одно слово нерадѣніе. Ладно, вотъ поѣхалъ . . . ну, тамъ зачѣмъ то по службѣ, что ли, по морю, глядь буря. Тонуть сталъ. Ахъ ты, Господи! — тутъ и вспомнилъ, это мнѣ за грѣхи. Сейчасъ и взялся Николаю Угоднику молиться. Совсѣмъ ужъ утопаетъ, а ничего, молится. Ну, Угодникъ видитъ, что-жъ, вѣдь христіанская душа, да и въ прегрѣшеніяхъ кается . . . и тамъ все же таки патріархъ, какъ будто ужъ оно тово . . . онъ милостивый вѣдь о-очень былъ! Какой милостивый! Ну, видишь, и показано здѣсь, какъ онъ его отъ утопленія спасаетъ. Очень даже былъ добрый. А другой разъ вышло такое дѣло — онъ показалъ на сосѣднюю фреску: ѣхали мужъ съ женой, въ Кіевѣ, по Днѣпру въ лодкѣ, и младенчикъ у нихъ на рукахъ. Да что то разговорились, зазѣвались, мла-

денчикъ-то и упади въ воду . . . И такъ ловко упалъ, его сейчасъ завертѣло, понесло, туды-сюды, ищутъ — гдѣ тамъ! утопъ. Родители разстроились страсть какъ, чуть не плачутъ. Ну и подумать, собственное дите въ пучину бездонную уронили. И ночь то, можно сказать, однимъ глазомъ спали. Гдѣ ужъ тутъ спать?

О. Милій очень выразительно на насъ взглянулъ оживившимися, сочувственными глазками: переживалъ горе родителей.

— Ну, и что-же вы думаете, утромъ пришелъ въ церкву подобарь, убираетъ, къ служенію готовится — видитъ, подъ иконою Угодника младенчикъ . . . Этотъ самый и оказался, его Николай-то Чудотворецъ и принесъ, надъ горемъ надъ родительскимъ смилостивился.

О. Милій глядѣлъ почти побѣдоносно, такъ онъ весь до послѣдняго сустава своего былъ восхищенъ добротою и милосердіемъ Святителя.

— А вотъ тутъ, видишь, — онъ указалъ на другую фреску: — нарисовано то мало, а чудо было совсѣмъ порядочное. Значитъ, жилъ это одинъ богатѣйшій человѣкъ, и у него три дочери — красавицы прямо на весь городъ. Дѣвушки нѣжныя, какъ обыкновенно богатые бываютъ. Ну, и вдругъ отецъ то и разорился . . . я ужъ тамъ не знаю почему, но только въ нищету такую впалъ, просто не дай Богъ. Ну прямо ѣсть нечего . . .

На лицѣ о. Милія изобразилось полное безпокойство за судьбу знатнаго человѣка изъ Патары, потерпѣвшаго крахъ.

— Думаетъ-думаетъ, что тутъ подѣлаешь: приходится дочерями торговать . . . и совсѣмъ ужъ

было собрался отдавать ихъ въ блудилище . . . Ну, а тутъ Николай-то, Чудотворецъ-то, сейчасъ и явился. Да какъ? Тайно! Видишь, въ окошко дому ихняго кошелекъ съ золотомъ бросаетъ? Господь, молъ, денежки послалъ. Отецъ это обрадовался, и не то что на позоръ, а дѣвицу честнымъ образомъ замужъ выдалъ. Видитъ Николай Чудотворецъ, что отецъ себя прилично держитъ, и еще помогъ. Да что вы думаете? — всѣхъ троихъ дочерей пристроилъ!

* * *

Когда мы выходили изъ церкви, о. Милій былъ уже совсѣмъ въ хорошемъ настроеніи. Мы тоже. Онъ дѣйствительно на славу показалъ свой храмъ, и простецкимъ своимъ рассказомъ какъ бы стеръ столѣтія и легенду: мы, дѣйствительно, почти оказались знакомы и съ патриархомъ Афанасіемъ, и съ разсѣянными родителями, и съ разорившимся гражданиномъ города Патары.

Мы усѣлись на гранитномъ парапетѣ церкви — отсюда чудесный видъ на проливъ, лѣса за нимъ и дальнюю Ладогу. Солнце слегка выступило, блѣдно, и робко: посребрилась вода, справа изъ-за конечности острова выплылъ большой моторъ съ паломниками. Бѣло-голубой финскій флагъ вѣялъ на кормѣ. Намъ махали платочками.

О. Милій долженъ былъ идти встрѣчать ихъ — ему не особенно хотѣлось . . . всетаки пошелъ, мы остались одни. Спустились тропинкою пониже, почти къ самому озеру и сидѣли здѣсь въ тишинѣ, пригрѣваемые скупымъ свѣтомъ, но живымъ, и чистымъ.

Даже хорошо такъ посидѣть однимъ, на островкѣ въ природѣ. . . .

А потомъ, мимо храма Святителя, вновь пошли къ пристани. Мотора уже не было. О. Милій шелъ намъ навстрѣчу. Онъ опять не совсѣмъ былъ доволенъ.

— Ту-ристы! Все не по русскому говорятъ. Имъ чего тутъ дѣлать? Подъѣхали, посмотрѣли, дескать, островъ какъ островъ — и далѣ . . . некогда, вишь.

Направо, недалеко отъ берега, гранитный крестъ, какая-то избушка. Совсѣмъ надъ водой, изъ голаго камня наклонно растеть столѣтняя сосна — совершенный зонтикъ.

— Прежде таможня монастырская была, сказалъ о. Милій. — Какъ изъ Сердоболя пароходъ съ гостями, такъ сюда и заходилъ. У кого табачекъ тамъ, папиросы, то пожалуйста . . . въ монастырь ввозить не дозволялось. А на обратномъ пути отдавали. Если ужъ только кто скрылъ, и нашли у него, тотъ табакъ прямо въ воду. Вотъ какъ было . . .

О. Милій засмѣялся. Монастырь, молъ, такъ монастырь. Нечего съ монахами шутить.

Онъ показалъ намъ большой двухъэтажный домъ — впору помѣщицъему — теперь одинъ онъ живетъ тутъ внизу, въ маленькой комнатукѣ. Въ верхнемъ этажѣ церковка, но все это безмолвное, запущенное.

Около дома столикъ, скамейка.

— Подь-ка сюда, подь, сказалъ о. Милій моей женѣ. — Посиди. Сейчасъ ягодокъ принесу.

И, дѣйствительно, принесъ. Это была валаамская клубника, некрупная, ничего особеннаго съ виду, но такой сладости и благоуханія, что ей лежать бы не на убогой тарелочкѣ о. Милія, а на роскошномъ блюдѣ. Впрочемъ, можетъ быть плодъ святой земли и хорошъ именно въ святой бѣдности своей. . .

Жена все спрашивала о. Милія о „страхованіяхъ“. Но онъ врядъ-ли мистикъ, и особымъ страхованіямъ не подлежитъ. Молится Богу и занимается домашнимъ хозяйствомъ — огородикъ, яблони. „Полумирончикъ“, такой сортъ есть у него, но къ огорченію, когда поспѣваетъ, то по ночамъ на лодкѣ пріѣдутъ корелы и отрясутъ. Бѣсами онъ ихъ не считаетъ, но что-же съ ними подѣлать одинокому старику на островкѣ? Если ночью услышитъ что, прочтетъ молитву Николаю Угоднику, перевернется на другой бокъ, да и заснетъ.

Мы простились съ нимъ очень дружески, и на своей лодкѣ онъ отвезъ насъ обратно. Какъ и столько другихъ, мы мелькнули въ его однообразной жизни мгновениемъ, а тамъ опять полумирончики, чудеса Святителя, клубника, черныя дикія утки на озерѣ. Но для насъ этотъ простой старичекъ какъ то связанъ со своимъ скитомъ, съ удивительнымъ островкомъ, тишиной и поэзіей его — остался въ памяти: вѣрный слуга Святителя. Не будетъ дерзостью подумать, что такой Угоднику угодень.

Прощаніе съ Валаамомъ.

. . . Ъздили на Святой островъ. Это въ нѣсколькихъ верстахъ отъ монастыря, на Ладогѣ. Еще въ Келломякахъ, у друзей, одинъ знакомый, бывавшій на Валаамѣ, сказалъ, что Святой островъ прекрасенъ и напоминаетъ беклиновскій Островъ мертвыхъ. Когда въ безоблачный день, по сине-зеленому стеклу Ладоги, нашъ моторъ подходилъ къ нему, вспомнилось это замѣчаніе. Кипарисовъ здѣсь, разумѣется, нѣтъ. Но такъ отвѣсны, дики скалы, обрывающіяся прямо въ воду . . . Надъ ними сосны. Одиноко-поэтически воздымается весь островокъ, есть, правда, въ немъ что-то таинственное.

Отъ пристани подымаешься довольно круто и выходишь на тропинку — она опоясываетъ островъ и поражаетъ своей гладкостью, тщательностью отдѣлки. Это работа безвѣстнаго инока, давнихъ временъ — камешекъ къ камешку, точно мозаика. Дорожка идетъ то надъ отвѣсными скалами, то склонъ болѣе покатый. Вокругъ сосны, ароматъ. Въ удивительный день нашего посѣщенія сквозь эти сосны Ладога голубѣла зеркально, почти нѣжно, вдали мягкіе синѣющіе холмы, настолько свѣтелъ пейзажъ, что не вѣрилось, что мы такъ далеко на сѣверѣ.

Дорожка приводитъ къ пещерѣ — по преданію, св. Александръ Свирскій, въ XV вѣкѣ провелъ на островѣ нѣсколько лѣтъ и молился въ ней.

А еще выше, рядомъ со скитскою церковью, показываютъ и его могилу, собственноручно выкопанную.

„Святой островъ“ . . . — да, ужъ тутъ кромѣ тишины, красоты, легкаго гула сосенъ, да тѣней героическихъ, ничего не найдешь.

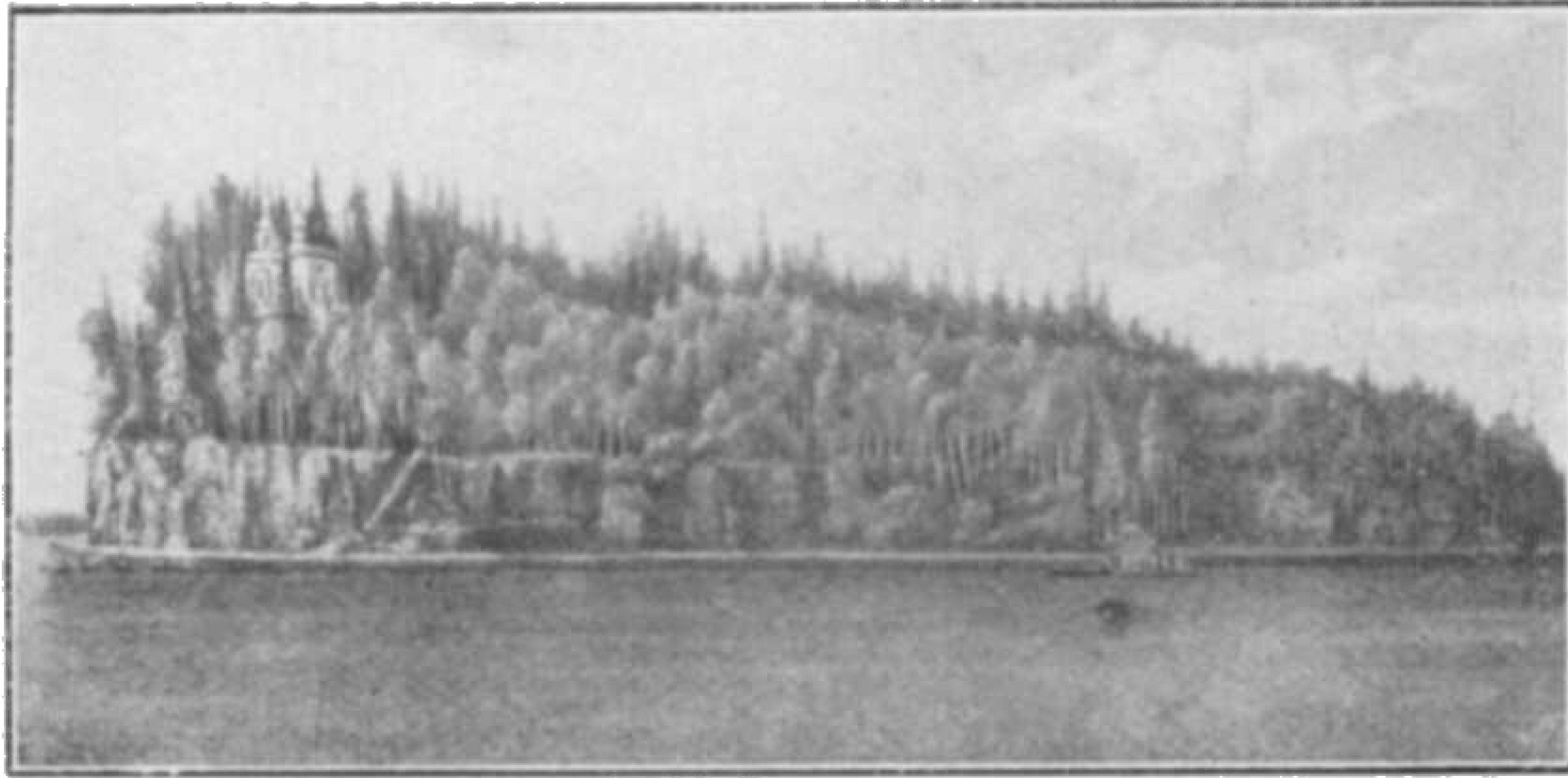
Сейчасъ здѣсь живетъ при церкви всего одинъ монахъ, а на островкѣ еще семья кореловъ, занимающихся скромнымъ хозяйствомъ. Но вотъ чуть-ли не ежедневно привозитъ и увозитъ моторъ сюда паломниковъ изъ монастыря, и всѣ что то уносятъ: каплю свѣта? Благословенія? Не знаю, какъ сказать. Но для меня очевидно: какъ-же были наполнены и значительны жизни уединенныя, протекавшія здѣсь, разъ и сейчасъ онѣ волнуютъ.

Жена тоже была восхищена. Она взяла съ собой въ платочкѣ, недалеко отъ пещеры св. Александра, собранную щепотку земли: святоостровской. И нѣсколько сосновыхъ шишекъ.

* * *

На другой день присутствовали мы на постриженіи въ схиму бывшаго игумена Валаамскаго монастыря о. Павлина. (Монахамъ часто даютъ особенныя имена, не встрѣчающіяся въ міру: они тоже надѣваютъ нѣчто на человѣка, отдѣляютъ его тончайшей и прозрачной, но всетаки завѣсой — Іувіанъ, Эолій, Милій . . .).

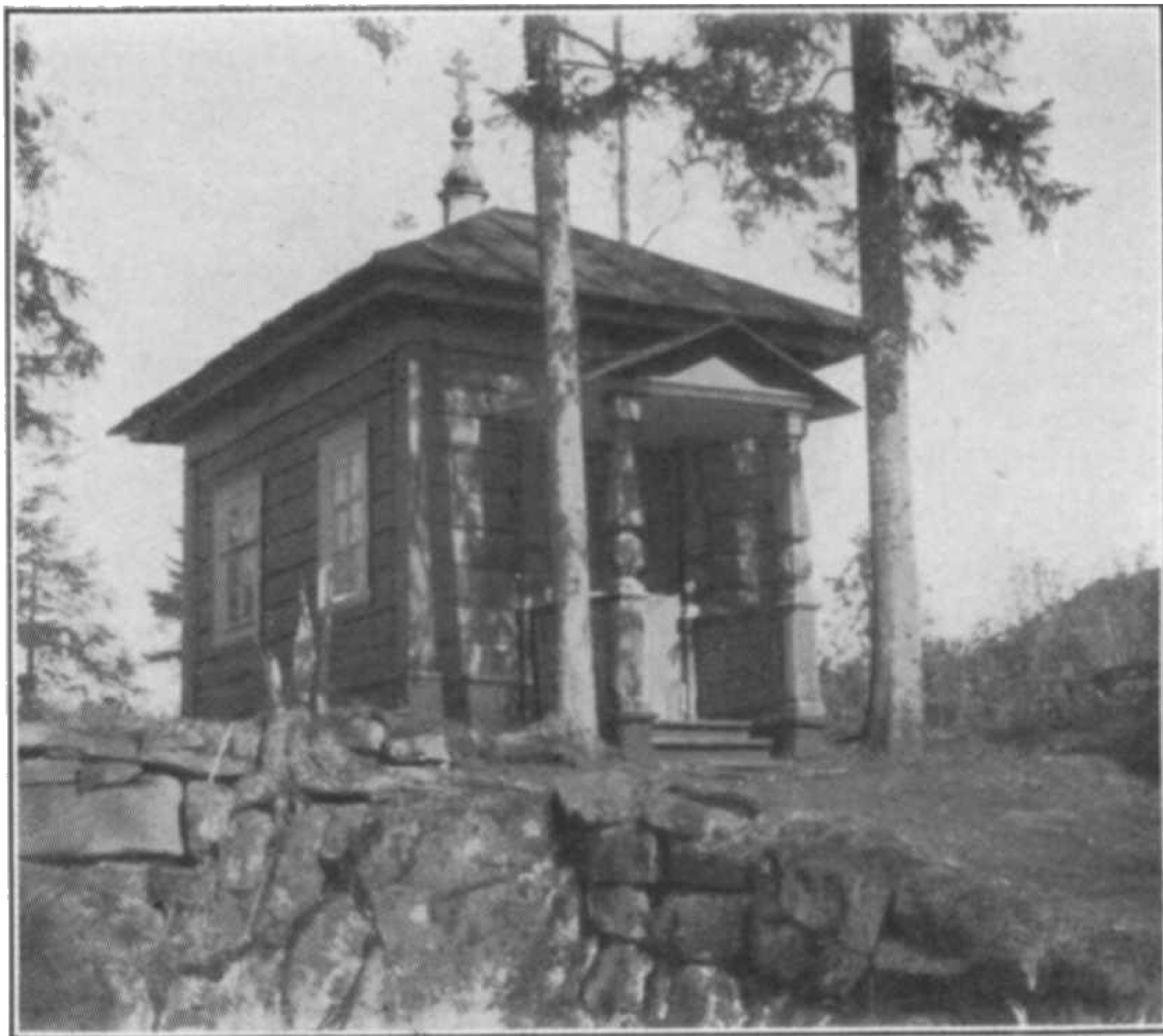
Соборъ былъ полонъ. Со всѣхъ островковъ, ски-

Святой островъ.

Пещера Преводобнаго Александра Свирскаго.

Часовня Преп. Сергія Родонежскаго.

Монастырская гостиница.

товъ, изо всѣхъ угловъ монастыря собрались старички схимники въ остроконечныхъ куколяхъ, черныхъ мантияхъ, все это расшито бѣлыми крестами, выведены тексты Св. Писанія, изображены кости и черепа.

Два схимника подъ руки влекли о. Павлина черезъ всю церковь. Онъ въ нижнемъ бѣльѣ, сверху накинута мантия, волосы распущены — въ сущности, онъ долженъ ползти на колѣняхъ: знакъ послѣдняго смиренія и покаянія. Игумень, о. Харитонъ, къ которому его подводятъ, читаетъ ему рядъ вопросовъ. Я не помню ихъ въ точности, но дѣло идетъ объ отреченіи отъ міра, бѣдности, и т. п. За постригаемаго отвѣчалъ его какъ бы крестный отецъ, тоже схимникъ о. Ефремъ, церковно-славянской, прекрасной фразой:

— Ей, Богу содѣйствующу! (Да, съ Божіей помощью).

Весь чинъ древень, полонъ поэзіи. Игумень трижды отдавалъ о. Павлину ножницы, которыми надо постригать, подчеркивая, что тотъ можетъ ихъ не вернуть, если раздумалъ постригаться. И лишь послѣ третьяго возвращенія ножницъ онъ отдѣлилъ ими прядь волосъ съ головы о. Павлина. А затѣмъ надѣлъ ему „шлемъ побѣды“, это и будетъ схимнической куколь, знакъ возведенія въ высшую духовную степень: схиму.

Игумень сказалъ новому схимнику небольшое, но замѣчательное слово — быть можетъ, предназначалось оно и для насъ слушавшихъ. Вотъ мѣсто, особенно запомнившееся (передаю по памяти): „можетъ

показаться страннымъ, что старецъ, прожившій уже долгую монашескую жизнь, всѣми уважаемый, управлявшій монастыремъ, въ обликѣ послѣдняго кающагося грѣшника проходитъ черезъ весь храмъ. Но это только кажется такъ. Ибо путь духовной жизни въ томъ и состоитъ, что чѣмъ выше человѣкъ поднялся въ развитіи своемъ внутреннемъ, тѣмъ онъ кажется себѣ грѣховнѣй и ничтожнѣе, — тѣмъ меньше самъ въ своихъ глазахъ рядомъ съ міромъ Царствія Божія, открывающагося ему. Онъ лучше насъ видитъ тотъ міръ, въ его свѣтѣ легче различаетъ свои слабости и несовершенства. Такъ въ темной комнатѣ не видно пыли, въ освѣщенной отраженнымъ свѣтомъ многое уже видно, а если въ нее попадетъ снопы солнечныхъ лучей, то и самъ воздухъ оказывается полонъ пылинкой.

О. Харитонъ говорилъ тихо, покойно, даже сухо-вато, безъ всякихъ ораторскихъ приемовъ . . . — но и слово его, и вся вообще служба воспринимались съ волненіемъ. Особенно возволнованными показались мнѣ сами монахи. У многихъ глаза были полны слезъ. Я никакъ не думалъ, что увижу на „суровомъ“ Валаамѣ такое „со-переживаніе“.

Иногда приходится слышать, что въ постригѣ есть нѣчто страшное: человѣкъ, моль, заживо ложится въ гробъ. Такъ думаютъ люди, далекіе отъ церкви и религіи — по своему даже „жалѣютъ“ принимающихъ монашество (или принимающихъ высшую его форму). Они были бы очень удивлены, если-бъ узнали, что многіе монахи считаютъ счастливейшимъ временемъ своей жизни дни, проведенные въ одиночествѣ и молитвѣ послѣ пострига. (Можетъ

быть, это минуты ихъ наибольшаго приближенія къ Богу: какъ бы обрученія Ему).

А тѣ слезы, которыя мы видѣли на многихъ лицахъ при постриженіи о. Павлина въ схиму, были слезами умиленія, а не горести. Это видно было и безъ всякихъ словъ, но потомъ мнѣ монахи подтвердили: „вспоминались и въ своей жизни эти торжественныя, святыя минуты“.

Мы съ женой не плакали, но тоже остался въ душѣ слѣдъ.

* * *

... Въ послѣдній предъ отъѣздомъ день, подъ вечеръ, мы ушли въ валаамскіе лѣса, вдаль — одно изъ любимѣйшихъ моихъ занятій здѣсь.

— Вы часовню Константина и Елены знаете? — говорилъ намъ гостиникъ, іеромонахъ о. Лука — Ну, такъ по этой дорогѣ, мимо часовни все прямо, прямо, а тамъ въ лѣсу будетъ обгорѣлое дерево, у того дерева возьмите направо, дорожкой... и до самага озерка. Вблизи воды тропочка, чуть намята, ужъ поищите, потрудитесь — на скалы, и тамъ, конечно, водруженъ огромнѣйшій крестъ. Мѣсто дикое, но весьма привлекательное. Красота!

Мы такъ и отправились, по совѣту о. Луки. Часовню Константина и Елены, къ которой съ дороги ведетъ аллея елокъ, хорошо знали. Знали и большую поляну вокругъ — тамъ посѣвы, монастырскій покосъ. Но вотъ дальше, войдя въ лѣсъ, очутились уже въ странѣ невѣдомой. Невѣдомая, да родная! Вѣдь это все мое, въ моей крови, я выросъ въ такихъ

именно лѣсахъ, съ дѣтства все знаю : горькій ароматъ хвои, песчанья колеи, комариковъ, вьющихся за тобой, слегка отстающихъ, пока идешь и неизмѣнно свое напѣвающихъ, и бѣлку, метнувшую рыжимъ хвостомъ, проскакавшаго зайца. Въ общемъ вѣдь все это радость, Божья благодать. И какъ будто бы въ знакъ того, что именно Божья, версты черезъ двѣ пути, по совсѣмъ безмолвному лѣсу при дорогѣ часовенка, маленькая и скромная, взойдешь на крыльцо, дверь отворишь : тишина ! Пахнетъ сухимъ, чистымъ деревомъ, да иконнымъ лакомъ, чуть чуть ладаномъ. Перекрестишься, къ иконамъ приложишься, и какъ-то чувствуешь, дѣйствительно : это добрыя силы, святые покровители мѣстъ этихъ, да и тебя самого. Какой-бы тамъ ни былъ, а сюда съ благоговѣніемъ забрель. Посидишь, тропарь прочтешь, да Господи благослови и дальше. Съ такимъ, навѣрно, чувствомъ, бабы моего дѣтства шли къ Троице-Сергію, съ котомками за плечами, длинными палками, въ лаптяхъ... — все это кажется теперь пережиткомъ, изъ другого вѣка, и лаптей, пожалуй, маловато осталось, но если и смиренности, благовѣйности тоже нѣтъ, то тѣмъ хуже.

Такъ что наподобіе бабъ великорусскихъ мы и двинулись дальше, со взгорка въ ложбинку, межъ елей, сосенъ, березъ.

Обгорѣлое дерево сразу замѣтили и свернули направо. Тутъ пошли путанья мѣста, кое гдѣ вырубки, саженки дровъ, цвѣты розовые Иванъ-чая, одинокія сосны надъ кустарникомъ — только за теревами охотиться. Долго-ли, мало-ли, вышли и къ „озерку“ — усердно искали здѣсь тропинку. И неда-

ромъ слонялся я въ дѣтствѣ съ ружьемъ по калужскимъ, жиздринскимъ лѣсамъ — крохотнаго слѣдка и тутъ не прозѣвалъ. Мы полѣзли навѣрхъ, по мхамъ, хвоѣ, по выступамъ гранита. Лѣзли не такъ долго, но трудно, иной разъ едва и вскарабкивались. Награда же оказалась хорошая: добрались до темени скалъ, круто внизъ обрывавшихся, прямо въ озерцо. И надъ всѣмъ этимъ господствовалъ Крестъ, огромный, потемнѣвшаго дерева, обращенный на Ладугу.

Мы сѣли у его подножія. Подъ отвѣснымъ обрывомъ сказочное озерцо. И даже сказочная избушка есть на его берегу, заброшенная, съ отворенною дверью. Пустынно тутъ. Вотъ ужъ дѣйствительно, забытый уголь. . . .

Позже мы спустились со скалы, обошли все озерцо, выбрались къ берегу Ладуги — она уже въ двухъ шагахъ отсюда. И все то-же ощущеніе пустыни, тишины. Ни бѣлочки, ни птички, все заснуло. Немного даже жутко.

. . . Когда шли назадъ, уже смеркалось. У обгорѣлаго дерева началась вновь настоящая дорога. Вдали густо, полно ударилъ валаамскій колоколь. Пора домой!

И въ обратномъ направленіи потянулись тѣ-же лѣса, поляна, монастырскіе покосы и хлѣба.

— Ну, вотъ, сказалъ я женѣ: это нашъ прощальный выходъ. Доведется-ли еще когда увидѣть Валаамъ?

Жена вздохнула.

— Да, если бы еще увидѣть. . . .

По небу громоздились бѣло-синія облака, крупными, тяжелыми клубами. Въ нѣкоторыхъ частяхъ

они были почти грозны — не сверкнетъ ли оттуда молнія? Въ другихъ бѣлыя ихъ пелены свивались таинственно. Отсвѣтъ ихъ на крестцахъ овса, на еловомъ лѣсу былъ не безъ мрачнаго величія. Все это, конечно, необычайно русское. И какъ-то связано съ нами, съ нашими судьбами. Увидишь-ли еще все это на родной землѣ, или въ послѣдній разъ, передъ послѣднимъ путешествіемъ, дано взглянуть на обликъ Родины со стороны, изъ уголка чужого...

Этого мы не знаемъ. Но за все должны быть благодарны.

Оглавленіе.

	Стр.
1. Пріѣздъ на Валаамъ	5
2. По скитамъ	17
3. Валаамскій вечеръ	28
4. Въ лѣсахъ Валаама	36
5. Александръ на Валаамѣ	44
6. Ночное странствіе	53
7. Никольскій скитъ	63
8. Прощаніе съ Валаамомъ	71

ДРУЗЬЯМЪ ВАЛААМА.

Всѣмъ, кому дорого имя „ВАЛААМЪ“, чьему сердцу близка древняя, славная и всѣму православному міру извѣстная Валаамская обитель, **сообщается**, что недавно изданъ и поступилъ въ продажу прекрасный альбомъ стихотвореній покойнаго инока-поэта Викентія, обильно иллюстрированный современными фотографическими снимками видовъ, храмовъ, часовенъ и предпріятій Валаамскаго монастыря и разныхъ моментовъ монастырской жизни.

„Альбомъ-ВАЛААМЪ“, заключающій на своихъ 51 страницѣ около 900 строкъ звучныхъ, красивыхъ стиховъ и 117 прекрасныхъ фотографій, напечатанъ на изящной мѣловой бумагѣ и представляетъ собою, дѣйствительно, художественное изданіе.

Въ „альбомѣ-ВАЛААМЪ“ мы можемъ видѣть чарующія картины дивной Валаамской природы, прекрасныя снимки монастырскихъ храмовъ и пр. Очень интересенъ отдѣлъ „послушанія“; здѣсь множество фотографій наглядно изображаетъ трудовую жизнь иноковъ: вотъ самъ игуменъ, сидя въ лодкѣ, управляетъ кормовымъ весломъ; вотъ иноки трудятся въ токарной, бондарной, слесарной, переплетной, сапожной мастерскихъ; вотъ усердно звонитъ на монастырской колокольнѣ всегда привѣтливый о. И.; вотъ, низко склоняясь надъ столомъ въ монастырской канцеляріи, пишетъ поминанники старецъ о. Н.; вотъ гостепріимный о. Л. со своими помощниками . . .

Много дорогихъ мѣсть, много знакомыхъ лицъ альбомъ воспроизводитъ въ памяти и будитъ въ душѣ отрадныя воспоминанія о дивномъ Валаамѣ.

„Альбомъ-ВАЛААМЪ“ можно выписывать:

а) изъ монастырской книжно-иконной лавки (Sortavala. Valamo. Luostarin kirjakauppa).

б) изъ православной книжной лавки въ Сердоболѣ (Sortavala. Kreik.-kat. kirjakauppa).

в) изъ академическаго книжнаго магазина въ Гельсингфорсѣ (Helsinki. Akateeminen kirjakauppa).

Цѣна „альбома-ВАЛААМЪ“ — 20 финск. мар. безъ пересылки.

Изъ журнала „Утренняя Заря“.